

A woman with long blonde hair, wearing a traditional Russian folk costume with a dark headscarf and a patterned blouse, is smiling. She is holding a ginger and white tabby cat in her arms and a large bundle of birch twigs. The background features a city skyline at night with illuminated buildings, framed by a blue circular light effect.

АНАСТАСИЯ ДЕЕВА

**ГОД
ХОРОШЕГО
КОЩЕЯ**

Анастасия Деева

Год хорошего Кощея

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67032448

SelfPub; 2023

Аннотация

Верно говорят: «Не родись красивой, а родись – счастливой». Звезда у Василисы Прекрасной была несчастливая. В юности похитил ее Кощей и заточил в заколдованном лесу. Жених Иванушка ушел искать Кощееву смерть и сгинул... Тридцать восемь лет пролетело с той поры, как оказалась она в избушке посреди чащи дикого леса. Красота давно увядать стала, Прекрасной больше не зовут. Бабой Ягой кликать стали. Но это всё присказка. Сказка впереди будет. Как-то раз, в конце декабря, в жизни Василисы случилось очередное несчастье. Вместо того, чтобы помочь царевичу стать главным богатырем на Руси, на подвиги совсем случайно отправилась она сама. И не куда-то, а в самую обычную, современную Москву. Теперь ей, невезучей, требуется спасти царевну, сразиться с Кошеем и одолеть Горыныча. Только где же их найти, в Москве этой? Да и под силу ли обычной бабе без особых способностей выполнить такую задачу? Самой-то Василисе немного надо. Всего лишь найти ответ на вопрос: где же заплутало ее собственное счастье?

Содержание

Царевич-победитель	4
В пути	7
Терем Деда Студенца	13
Волшебное Зеркало	20
Появление из витрины	27
В туристическом агентстве	31
Как найти Кощея в Москве?	36
Письмо Деду Морозу	43
Телефонный разговор	47
Снова спортзал	49
Танец в стиле «Болливуд»	52
Приглашение на корпоратив	61
Запись на мобильник	65
Просьба Константина	68
Общий секрет	72
В поисках Дома детского творчества	74
Перед спектаклем	80
Представление	83
Встреча	92
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Анастасия Деева

Год хорошего Кошеля

Посвящается маме

Царевич-победитель

Избушка полыхала. Огонь перекинулся на крышу, по которой, обезумев от ужаса, метался рыжий кот.

– Найдён, прыгай! – кричала, вырываясь из сильных, крепких рук царевича, растрепанная, перепачканная сажей пожилая баба в тлеющем тулупе.

Кот с пронзительным воплем сиганул сверху в высокий сугроб. Тут его и подхватил за шкуру щедушный мужичонка, состоящий в стремянных у царского сына. Животина и мяукнуть не успела, как оказалась в мешке.

– Это... что... с ним делать-то? – спросил стремянной. – Того? – он мешком указал на полыхающую избушку.

– Не смей! – закричала, чуть не плача, баба, в очередной раз попытавшись вырваться из рук царевича.

Тот резко оттолкнул её от себя. Она упала в рыхлый, чуть подтаявший от жара горячей избы снег и заплакала. Добрый молодец повернул к ней розовощекое лицо. Стало заметно, что под глазом его расплылся огромный, красно-лиловый си-

няк. Он был точно такого же цвета, как стеганный, подбитый мехом кафтан царевича.

– Что, Яга, по-хорошему говорить будем или нам кошака жариться к твоей бешеной Метле отправить? – он кивнул на объятую пламенем избушку.

Василиса умоляюще протянула к нему руки. Времени объяснять, что она совсем не баба Яга, у неё не было.

Молодец соколиным взглядом обвел поляну. Вокруг валялись выброшенные вещи, которые хозяйка пыталась спасти из горящей избы, пока не стало ясно, что дело это безнадежно.

– Кузьма, дай-ка мне хвостатого... И шапку принеси.

Стремянной подал ему мяукающий мешок и побежал к ближайшей сосне. К ней стрелой пришпилило головной убор царевича. Еще несколько стрел торчали в коре рядом.

Взгляд молодца остановился на Бабе Яге. Вопреки его ожиданиям, она оказалась еще крепкая, не старая. Выбившиеся из-под вышитого платка русые, слегка подпаленные волосы уже имели заметную седину. Ей можно было бы дать лет пятьдесят пять или немногим больше. Точно не определить из-за копоти на лице, резко обозначившей все морщины.

Царевич огляделся, заметил торчащие из снега широкие, охотничьи лыжи. Вышитым валенком он пнул ближайшую лыжу в сторону побеждённой и покладисто сказал:

– Сразу надо было со мной, добрым молодцем, по-хоро-

шему. Надевай-ка это. С нами пойдешь.

Не обращая больше на неё внимания, царский сын обернулся в сторону Кузьмы, который пыхтел у дерева, пытаясь выдернуть наконечник из ствола. Тот вонзился глубоко, поэтому у стремянного никак не получалось справиться.

Царевич вздохнул, дошел до него и, приложив некоторое усилие, вынул стрелу из коры. Шапка упала. Молодец покачал головой, поднял её, стряхнул снег о колени и, нахлобучив головной убор на соломенные кудри, обернулся к Яге.

– Плохо стреляешь из лука, – ухмыльнулся он. – Шапку только испортила!

Василиса на мгновение оторвалась от лыж, вскинула на непрошеного гостя мокрые не то от дыма, не то от слёз глаза, усмехнулась с горькой иронией, но промолчала.

...В это самое время в избушке, за подпертой сундуком дверью чулана, прижималась к стене Волшебная Метла. Она тщательно поджимала свои прутики, чтобы ни одна искра горящих досок не долетела до неё. Метла выжидала, когда охваченная огнем дверца прогорит настолько, чтобы ударить в нее с размаху черенком и выбраться на свободу.

В пути

Тихо в заснеженном лесу. Только слышно, как иногда всхрапывают кони, да скрипит под лыжами снежок.

Василиса двигалась первой. Чуть позади неё, верхом, ехали царский сын и его стремянной.

Иногда под снегом обнаруживались ветки, коряги, поваленные деревья. Тогда пленница спотыкалась и падала, долго барахтаясь в сугробах.

Когда она в очередной раз свалилась, царевич произнес, стараясь скрыть раздражение:

– Я тебе так скажу, Яга... Вас, погань басурманскую, давно надо бы прищучить, чтобы всякий хороший человек мог спокойно по лесу проехать... Чего ты копаешься? Эй, Кузьма, помоги-ка ей, а то мы так до ночи никуда не доберемся...

Пока стремянной слезал с коня, царский сын продолжал разглагольствовать:

– Мне, бабка, всё недосуг было навести на Руси порядок. А тут проснулся давеча и думаю: пора мне, добру молодцу, всю нечисть извести...

Мешок, привязанный к седлу сзади, зашевелился и издал жалобное мяуканье. Царевич хлопнул по нему вышитой рукавицей и сказал сурово:

– Заткнись, блохастый, а то шею сверну!

Василиса уже встала на ноги, обернулась и произнесла с

горькой иронией:

– Смотрю, сердце у тебя, царевич, жалостливое, к чужой беде отзывчивое.

– А тож... Да ты, баба Яга, меня не боись. Я тебе слово молодецкое дал: ты мне поможешь, а я тебе... жизнь оставлю, – он сделал нетерпеливое движение рукой, приказывая ей двигаться. – Что избушку твою спалил, ты за то не обессудь, сама виновата. Я ж тебя просил: давай, бабуля, по-хорошему.

– Это ты по-хорошему, Прохор Васильевич, мне входную дверь выбил? – недобро глянула в его сторону Василиса.

– Я что тебе, сморчку-переростку, кланяться должен? – царевич захватил рукавицей с еловой ветки снежок и приложил его к синяку на скуле. – Мне можно с пинка двери открывать. Я – царский сын... Чай, не каждый день к тебе в избушку такой сокол, как я, залетает. Так что сама виновата... Смотри, как твоя Метла нам рожи разрисовала. Глаз совсем заплыл! Кузьме-то можно, он – холоп. А мне с таким синячищем как людям добрым показаться?

– Ага... это... – встрял Кузьма потирая разбитую переносицу.

– Хорошо, что я твою очумелую Метёлку горящим поленом в чулан загнал, да дверцу подпер.

Баба через плечо бросила на него взгляд, полный невыносимой, тоскливой муки.

– Что зыркаешь? Была бы ты с уважением к гостям, все

было бы иначе... Так что радуйся, что сама – жива, да и ко-
тейку твоего мы спасли!

Из седельного мешка снова донеслись жалобные звуки.

– Эй, кто там мявкает? – нахмурился царевич. – Заткни пасть, хвостатый. Я, богатырь русский, на одну ладошку тебя положу, другой – прихлопну... Живи потом с рёбрами переломанными.

Кузьма, который на своей кобылке ехал позади всех, внезапно вздрогнул. Ему почудилось, будто бы что-то быстрое и юркое мелькнуло за деревьями в стороне. Стремянной насторожился. Места тут дикие, того и гляди на волков наткнёшься. Но лес был всё так же неподвижен и спокоен.

Проехав немного, Кузьма резко обернулся. Он мог бы поклясться, что видел какое-то мельтешение в стороне.

– Дык это... Там... За нами кто-то... Того... – сказал он, прибегнув ко всему тому скудному запасу красноречия, который у него имелся.

Царевич, увидев испуганное лицо своего слуги, обернулся, внимательно оглядывая лес. Рука его легла на рукоять меча.

Тихо кругом. Никаких посторонних следов. Только за ними троими дорожка по нехоженому снегу тянется.

– Чего пугаешь?

– Дык я... это... видел...

– Нет там никого. Птица, наверное, вспорхнула. Тебе, дурню, мерещится.

– Дык я... чего? Царевич-батюшка... – Кузьма покосился на бабу. – Ведьма нас... того... на гибель... к Студенцу... Боязно...

Молодец усмехнулся, недобро прищурился:

– Это мы посмотрим. Заведет на погибель, мой меч – её голова с плеч. Земле русской от этого только польза!

Мешок снова мякнул. Царевич припечатал по нему рукавицей и прикрикнул:

– Эй, коврига черствая, чего встала? Ты лыжами-то пошустрее ворочай... Плетёмся еле-еле. У меня ноги в валенках, и то заоченели уже!

– Иду, иду... Кота только лупить перестань, защитник земли русской, – обернулась Василиса. – Он-то тебе ничего худого не сделал.

– А ты не учи меня, – огрызнулся Прохор. – Сама – ведьма, и кот тебе под стать. Знаю я вас, погань лесную!

В просвет между кучевыми облаками выглянуло склоняющееся к закату солнце. Оно заискрило, засверкало лучами по пушистым шапкам на сосновом лапнике. В лесу сразу стало светлее.

В этот момент между деревьев показался просвет, и открылась большая поляна с заснеженным теремом. Снега было так много, что потемневших от времени брёвен сруба почти не было видно.

– Стоять! – скомандовал молодец.

Баба остановилась, шурясь на солнце. От нестерпимой бе-

лизны слезились глаза.

Царевич, приложив руку козырьком, разглядывал выросшее перед ними строение. Видимо, хозяева давно не показывались, так как никакого намека дороги к крыльцу не наблюдалось.

Кузьма, подъехав ближе, шепотом произнес:

– Тута... это... Замело...

– Сам вижу... – царский сын повернулся к пленнице: – Эй ты, шишка сморщенная... Говоришь, Дед Студенец в свой терем давно не захаживает?

– Утверждать не возьмусь. Он в гости не звал, да и я не хотела.

– Чего так? Вы же соседи.

– Да кто же его на Руси не боится? Заморозит, разбирать не будет, соседи али нет.

– Так почём знаешь, что терем пуст?

– Редко он тут бывает. В нашем лесу мало кто помнит, как он выглядит. Сама давно видела... И то совсем уж издали...

– Где же он живёт, если не в тереме своем?

– Кто же знает. Зима – его время. Ходит по земле, избы да овины выстуживает. На то и Студенец...

Прохор призадумался, промокнул рукавицей слезящиеся от белизны глаза и решительно произнёс:

– Нашим легче! Кузьма, давай-ка ты первый... – он обернулся к Василисе и добавил: – И ты лыжами шевели, пенёк замшелый! Если этот древний божок вас первыми заморо-

зит, не жаль. А мне еще Русь спасать!

Терем Деда Студенца

Массивное, но невысокое крыльцо было занесено снегом по самые двери. На них висел огромный, проржавевший замок. Судя по всему, хозяин давным-давно не наведывался.

– Скажи, Яга. Волшебное Зеркало точно у него? – спросил добрый молодец.

С коня он не спешил слезать. Что ни говори, а слава у владельца терема была настолько дурная, что оказавшись перед входом в чужие хоромы, царский сын слегка оробел.

– Все в лесу про это Зеркало знают. Но сама не видела, – Василиса топталась на ступеньках, пытаясь вытряхнуть из валенка забившийся в него снег.

– Неужто не любопытно? – допытывался Прохор.

– Кабы не боялась Деда Студенца, давно бы в его терем наведалась, чтобы задать вопрос Волшебному Зеркалу.

Она взглянула высоко в небо с какой-то тоскливой, глубоко затаенной печалью.

– Да ну? – царевич удивленно приподнял бровь над здоровым глазом. – Да что тебя, кроме поганок, интересовать может? Молчишь... Вот что, Яга... кончай отплясывать... Снег отгребай!

– Чем?

– Да хоть лыжей. Широкая она у тебя! – ухмыльнулся царевич, сверкнув белозубой улыбкой.

– Лыжа – не лопата. Не сподручно, – буркнула баба.

– Слушай, мышь облезлая. По мне, так хоть ногами... – он обернулся к своему спутнику. – Эй, Кузьма... Поищи лопату. Не может быть, чтобы её не было.

Стремянной соскочил с лошади, и утопая по колена в сугробах, отправился в обход терема.

Ему повезло. Почти сразу же, за углом, он увидел воткнутую метлу. Мужичок радостно ухватился за черенок. На то, что все кругом занесено, а на слегка обожженных прутьях нет ни снежинки, он не обратил внимания. Его просто обнадёжило, что нашелся подходящий инструмент.

– Во! Я это... царевич-батюшка... Того! – завопил Кузьма радостно, показавшись из-за угла со своей добычей.

Он вернулся к крыльцу и бодро стал сметать с него снег.

– Ты главное, Яге не давай... Хорошо, что мы сожгли ту драчливую дрянь... Я про Метлу бабкину. Вдруг эта ведьма на любой палке летать может? – буркнул царевич.

Он скатал очередной снежок и приложил его к своему синяку.

Василиса, приглядевшись к стремянному, с трудом сдержалась, чтобы не вскрикнуть от радости. Она узнала бы этот черенок, и эту пеньковую нить, которой перемотаны были березовые веточки, из тысячи других.

Метла, заметив её взгляд, чуть шевельнула прутиками.

Баба едва-едва отрицательно качнула головой. Она отлично знала характер своей волшебной подруги, которая в лю-

бой момент могла ринуться в бой. В этих сугробах у царевича и его слуги не было ни единого шанса выстоять против неё. Прохор в избушке одолел лишь потому, что размахивал горящим поленом. Метла, как никак, была из сухого дерева, потому и загнали её в чулан.

Василисе пришлось отвернуться, так как улыбка и блеск в глазах выдавали её радость. Что ни говори, а когда долго живёшь в лесу, и твои единственные близкие друзья – бессловесный предмет с характером и говорящий кот, принимаешь их, как родных. Василисе было до слез жаль избушку, но одна мысль, что верная подруга сгорела, повергла её в мрачную печаль. Больно на душе было всю дорогу до терема.

Теперь, когда Метла оказалась рядом, у бабы и настроение улучшилось.

– Прохор Васильевич, а тебе зачем Волшебное Зеркало? – спросила Василиса, скидывая ногами снег с крыльца.

Царевич подкрутил пшеничный ус, подбоченился и сказал:

– Хочу узнать, как стать главным героем на Руси. Чтобы вас, погань нечистую, истребить.

– Кого это – нас? – спросила его баба.

– Тебя... Кощея Бессмертного ... Змея Горыныча...

От неожиданности Василиса остановилась.

– Опоздал ты, царский сын, с подвигами. Змея Горыныча лет сорок назад извёл Иван-богатырь. О Кошее Бессмертном уже тридцать восемь лет в наших краях никто и слыхом

не слышал, – она снова улыбнулась своей невесёлой, горькой улыбкой. – Не с кем тебе, добру молодцу, сразиться. Вот и воюешь с бабой, вроде меня, да с котом.

Царевич, который к тому времени уже совсем продрог, поёжился и спросил неприязненно:

– А ты никак врагов земли русской покрываешь? Откуда такая точность? С чего взяла, что нет ни Кощея, ни Горыныча?

– Да не покрываю я никого, – баба принялась снова отгребать снег. – У самой к Кощею давние счеты. Да только нет его. Некого мне, горемычной, к ответу призвать.

Молодец закрыл рукавицей замерзший нос и высказался:

– Разобраться с вашей поганью только мне можно! Потому как я – богатырь. Мечом, копьем, стрелой каленой врага поразить сумею. Мне и положено подвиги совершать. А твоё дело – снег разгрести. Ясно?

Василиса не ответила, занялась работой. Прохор оглядел ещё раз поляну и произнес задумчиво:

– Ничего. Волшебное Зеркало даст ответ, где вся ваша сила нечистая прячется. Никто не уйдёт от моего меча богатырского, – он посмотрел на крыльцо, подумал и достал из седельной сумки маленький топорик.

– Кузьма! Бабка пусть гребёт снег, а ты замок сбей! – С этими словами он метнул топор в столб на крыльце.

Остриё глубоко вошло в сруб недалеко от стремянного. Тот испуганно покосился на него и взялся за топориче. Но

не тут-то было. Как ни тужился мужичонка, у него силёнок не хватало справиться с задачей. Если царевич считал себя богатырём, так было за что. Силушкой природа-матушка его не обделила. А вот Кузьме недодала.

Баба посторонилась, пропуская царского сына перед.

– Зачем тебе главным героем на Руси быть? – спросила Василиса ему в спину. – Кота моего обижать?

Царевич выдернул топор из столба, и, поигрывая им, приблизился к дубовой двери.

– Зачем подвиги? – он ударил по скобе пару раз.

Заржавевший металл сопротивлялся недолго.

– Эх, лягушка ты тёмная! – Прохор зашвырнул замок в сугроб и обернулся к бабе. – Подвиги молодцу нужны для славы доброй! А ещё затем, чтобы... жениться!

– Без подвигов невесты перед тобой что... совсем... никак? – иронично спросила Василиса.

– А мне не любая невеста нужна, – царевич потянул дверь на себя. Та не шелохнулась.

– А какая?

– Мне бы такую, чтобы во всех окрестных царствах-государствах царевичи-королевичи от зависти полопались! – Прохор упёрся валенком в стену, пытаясь отворить дверь.

Результатов его потуги не дали.

– Есть кто из красавиц на примете? – спросила Василиса, глядя, как царский сын пыжится.

– Да нет никого, – Прохор ещё сильнее поднатужился, став

таким же красным, как грудки снегирей на его вышитых, белых валенках. – Что ни царевна или боярышня, то – квашня... Эй, Кузьма, ну-ка, сбей наледь под дверью. Примерзло всё по низу...

Пока стремянной ползал по крыльцу, оббивая топориком лед у порога, царский сын пояснил:

– Мне, Яга, нужна такая... такая... чтобы как... Василиса Прекрасная была. Слыхала небось? Или ты, бабка, настолько дремучая, что не знаешь той, о ком песни да сказки в народе сказывают?

От неожиданности баба оступилась на ступеньке и чуть не упала. Она выровнялась, откинула со лба поседевшую прядь, выбившуюся из-под вышитого платка, метнула на царевича взгляд васильково-синих глаз и произнесла дрогнувшим голосом:

– Может и слышала. Не такая я... дремучая.

Василиса отвернулась. Как же давно это было... А в народе, оказывается, помнят то время, когда называли ее Прекрасной.

– Это... Василиса-то... Давным-давно... того... Еще когда... ну... это... батя мой... молодым... в общем... был, – сказал стремянной, заканчивая работу.

– Знаю я, – вздохнул царевич.

– Дык того... Сгинула она... Василиса-то... – Кузьма распрямился, пропуская Прохора к двери. – Кощей извёл... вот...

– Мне такую же надо. А может быть и еще краше. – молодец поднатужился и открыл, наконец, дверь. – Эй, что встала, заплесневелая? Первой иди...

– А то это... Вдруг кто... того... в засаде, – поддакнул стремянной.

Волшебное Зеркало

Баба, осторожно озираясь, переступила порог терема Деда Студенца.

Из-за того, что ближе к вечеру выглянуло солнышко, внутри дома было достаточно светло. Лучи проникали через заиндевевшие окна с цветными витражами, и раскрашивали ледяной, блестящий пол яркими бликами.

Иней покрывал всё – стены, лавки, потолок и даже большую русскую печь. Из-за этого белого, кристаллического налета казалось, что горница светлая и чересчур просторная.

Яга, стараясь не поскользнуться, аккуратно ступила внутрь и огляделась.

– Нет тут никого, – произнесла она. – И давненько не было.

Царский сын, держа одной рукой мешок с котом, а другую положив на рукоять меча, шагнул за ней. Он вертел головой, пытаясь определить, не опасно ли внутри. Под ноги он зря не посмотрел, так как запнулся о порожек, и со всего размаху пузом рухнул на скользкий пол, проехав на животе почти до самой печи.

Прохор шумно выдохнул, встал на четвереньки и поправил рукой растрепавшиеся кудри.

– Почему меня не предупреди...

В этот момент печной ухват, который он нечаянно задел

ногой, свалился прямо на его соболью шапку. Царевич громко ойкнул, и потерял лоб.

Кузьма, который вошел следом, бросился его спасать, но так же поскользнулся и рухнул на пол.

Пока оба они поднимались, Метла влетела в терем, и, как ни в чем не бывало, встала у стенки рядом с порогом.

Царский сын попытался подняться, но его новенькие валенки были слишком скользкими для этого гладкого пола. Не обучен был царский сын крестьянским забавам катания на льду.

– Кузьма! Руку дай! – позвал раздосадованный молодец.

Стремянной, не рискуя подниматься, на четвереньках пополз к печи.

– Слушай, погань лесная... Яга! Ищи Волшебное Зеркало, – обратился царевич к спутнице. – Ты знаешь, как оно выглядит?

– Самой любопытно.

Баба заскользила валенками вдоль белых стен, стараясь не потерять равновесия. Она заметила, что Метла чуть дернулась ей навстречу. Василиса сделала предостерегающий знак рукой, показывая, что ещё не время вмешиваться.

В одном месте ей показалось, что за иголочками инея находится большая, в половину её роста, рама. Так как рукавиц не было, Василиса рукавом потерла ровную поверхность. Под инеем проблеснула зеркальная гладь.

– Кажись, оно. Только замёрзло.

– Кузьма, возьми метлу! – приказал царевич.

Он уже поднялся и стоял, держась за край печи.

Стремянной, подражая скольжению бабы, двинулся к двери. Выходило у него не так ловко, но больше он не падал.

– Ты говорила, Яга, что у самой к Волшебному Зеркалу вопрос есть, – внезапно вспомнил Прохор. – Какой? Тебе что интересно узнать? Как из лягушек зелье варить?

– Нет, – ответила Василиса, продолжая рукавом смахивать иней.

Подъехал Кузьма с Метлой.

– Ты это... в сторону! – сказал он, начав елозить прутьями по поверхности Волшебного Зеркала.

Во все стороны посыпались искристые снежинки. Баба отъехала чуть подальше, чтобы те не падали ей на лицо.

– Открой мне, добру молодцу, свою тайну, – допытывался Прохор, – что тебе от Волшебного Зеркала надо?

Василиса не ответила, безучастно рассматривая отражение витражных стекол в голубой глади ледяного пола.

– Слово даю тебе молодецкое – смеяться не буду, – не унился царский сын, ставя ухват обратно к печи. – Скажи, что спросила бы? Чего молчишь? Секрет такой большой?

– Не секрет, – она чуть пожала плечами и произнесла с затаенной, давней болью: – Спросила бы, как счастье своё отыскать.

Царский сын недоуменно замер.

– Чего? Ты на полном сурьёзе, Баба Яга?

Кузьма, тем временем, очистил поверхность Зеркала, насколько смог, и довольный, откатился в сторону.

– Да, гость нежеланный, незванный... Серьёзно, – всё с той же тоскливой горечью сказала Василиса, подъехав на валенках чуть ближе к деревянной раме: – Встала бы вот так у Волшебного Зеркала, как сейчас стою, и спросила: где моё счастье заплутало? Покажи дорогу, коль знаешь!

Прохор все-таки не выдержал и заржал во весь голос:

– Тебе? Счастье? Да посмотри на себя. Кто ты такая? Ты – погань лесная! Сила нечистая! Баба Яга из погорелой избышки! Истреблять вас таких надо, чтобы на Руси людям добрым жилось хорошо.

В этот миг внутри зеркальной поверхности что-то заискрило, засияло. Осветилась ярким светом рамка, а откуда-то из глубины полился лучистый, переливчатый свет.

– Поиск дороги к счастью... Вопрос принят к рассмотрению, – произнес монотонный голос откуда-то из самой глубины сияния.

Царевич бросился к зеркалу, пытаясь проехать на валенках и не упасть.

– Э-э-э! Ты мне это брось, Зеркало! Запрещаю отвечать нечистой силе. Тут я к тебе пришел, добрый молодец, царский сын. Со мной говори! Скажи... как стать главным богатырём на Руси?

– Как стать главным богатырем на Руси... Вопрос принят к рассмотрению, – сказал всё тот же далекий голос.

Они втроём – Прохор, его стремянной и Василиса стояли перед Зеркалом, заворожённо глядя на лучистое, льющееся сияние.

– Чудно это! – прошептала баба.

Царевич, словно очнувшись, нахмурился от её слов. Грубо пихнув бабу на Кузьму, он мотнул головой в сторону двери. Стремянной начал толкать Василису к выходу.

Метла, до этого момента тихо стоявшая у дверного косяка, не стерпела. Она без приказа Василисы сорвалась с места и резко, со всей мощи, врезала Кузьме под тощий зад. От толчка тот прокатился на валенках до самой двери, выбил её плечом и вылетел наружу.

Василиса резко закрыла за ним створку, а Волшебная Метла черенком задвинула щеколду.

Услышав позади себя шум, царевич отшвырнул заплечный мешок с котом и развернулся, вынимая из ножен меч. Метла, резко устремилась к нему и сделала подсечку. Она была очень зла за попытку её сжечь, поэтому лупила добра молодца со всей праведной яростью. Царский сын рухнул навзничь, крепко ударившись головой об пол. По инерции он снова отъехал на спине в сторону печи. Метла врезалась в ухват, и тот в очередной раз приземлился на голову Прохора Васильевича. Удар был так силён, что царевич лишился чувств.

Василиса бросилась к мешку, озябшими пальцами развязывая верёвку. Оттуда выбрался недовольный рыжий кот.

– Я думал, ты ме-ня у же не спасёшь.

Баба подхватила его на руки, крепко прижала к себе, целуя в рыжую морду с опаленными усами. Котейка недовольно отворачивался и ворчал с легкой укоризной:

– Как ты допустила, чтобы ме-ня у так по-мяу-ли?

– Мурлыка ты родненький! – шептала ему Василиса.

Между тем Волшебное Зеркало сияло всё ярче, наполняя искрящимся, переливающимся светом горницу.

– Ответ на запросы найден, – сообщил таинственный голос. – Чтобы найти дорогу к счастью и стать первым богатырём на Руси, вам потребуется спасти царевну, сразиться с Кощеем и победить Горыныча.

– Где искать-то? – обернулась на голос Василиса.

– Вы найдёте их, отправившись через время и пространство в Москву, – уточнило Волшебное Зеркало.

– В какую такую ... Москву? Это... где? – опешила баба.

Она никогда даже слова такого чудного не слышала – «Москва».

Сияние внутри гладкой поверхности стало закручиваться спиралью.

– Портал открыт, – сообщил всё тот же бесстрастный голос. – Добро пожаловать в Москву!

Неожиданно Василиса почувствовала, что неведомая, мощная сила потянула её в самые глубины завихрения внутри Зеркала. Баба шарахнулась в сторону, но поскользнулась, растянулась на полу, чуть не придавив Найдёна. Ухватиться

было не за что, поэтому она схватилась за кота. Теперь их обоих затыгивало в центр сияния.

Заметив, что хозяйка в опасности, Метла подлетела к Василисе. Та крепко ухватилась за черенок свободной рукой. Второй она всё так же прижимала к себе кота. Изо всех сил Метла пыталась вытянуть обоих из воронки, но мощь открытого Портала между Мирами была сильнее её усилий. Их уже втроем тянуло в сияющую неизвестность.

Через несколько мгновений троица исчезла в мерцающей спирали.

...Царевич открыл глаза, перевернулся на живот, ловя отблески гаснущего сияния внутри Волшебного Зеркала. Ему показалось, что где-то в его глубине он увидел быстро удаляющихся, Бабу Ягу и её кота Найдёна и Метлу.

Свет погас. Теперь в поверхности Зеркала всё так же отражалась заиндевевшая от инея горница.

Прохор сел, почесывая лоб, на котором вскочила здоровая шишка. Он пригладил золотые кудри, нахлобучил на них шапку и недоуменно произнес:

– Не понял... Где Яга-то?

Появление из витрины

На тихой, малолюдной улочке располагалось самое обычное туристическое агентство. О том, что приближается Новый год, свидетельствовало праздничное украшение его уличной витрины. День клонился к вечеру, но было еще светло, поэтому гирлянды не горели. Атмосферу праздника задавал лишь большой глобус в витрине, стилизованный под ёлочный шар. Сверху на него была залихватски одета шапка Деда Мороза.

Из этой витрины, прямо на тротуар, и вылетела Василиса, держа в одной руке Метлу, а другой прижимая к груди ко-та. Она упала почти плашмя на асфальт и больно ушиблась. Подняв голову, баба пришла в жуткий, неопи-сываемый ужас.

Что это за место?! Где она находится? Откуда взялись ка-менные хоромы кругом? Почему они такие высокие, будто бы строили их неведомые великаны?

Шерсть Найдёна вздыбилась. Кот никогда не покидал пре-делы леса. Сейчас он был так же напуган, как его хозяйка.

– Кош-мяур! Кош-мяур! – замяукал он.

Баба вскочила, обернулась на витрину и бросилась прочь, выскочив прямо на проезжую часть. Её чуть не сбила проле-тающая мимо машина. Василиса понятия не имела, что за самоходная телега пронеслась по дороге, но успела вовремя отпрянуть.

Метле повезло меньше, так как прутья угодили под колёса. Пеньковая верёвка, стягивающая их, разорвалась, и веточки разлетелись по асфальту.

– А-а-а! – закричала в ужасе баба. – Метла! Родненькая! Она бросилась собирать прутьики.

Рядом взвизгнули тормоза резко остановившегося автомобиля. Из его окошка выглянул какой-то лысый мужик и заорал:

– Ты совсем офонарела, бомжиха ненормальная? Жить надоело?!

– Я... ничего не понимаю... – лепетала насмерть перепуганная Василиса, не зная, какими словами оправдываться. – Моя Метла... Она не может тут... погибнуть.

– Дура слепошарая! Тебя саму раскатают по асфальту! – продолжал кричать шофёр.

Баба, схватив последние прутьики, вернулась на тротуар, не понимая, что делать и куда бежать.

– Мне нужен... совет, – попыталась обратиться она к водителю.

Но лысый уже поднял стекло и отъехал, обдав на прощанье ненормальную бабку дымом выхлопной трубы. Василиса, большую часть жизни прожившая в лесу с чистейшим воздухом, закашлялась от непривычного, едкого запаха.

Некоторое время она пыталась понять, что ей делать. Взгляд скользнул по витрине, из которой они с котом и Метлой только что выпали. Василиса постояла, и, словно бы при-

няв решение, с разбега бросилась на стекло, в надежде попасть обратно в терем Деда Студенца.

Стеклопакет задрожал, но выдержал её удар. Баба, принялась молотить кулаками по нему. Поняв, что эти действия не ведут ни к какому результату, перехватив кота, она в очередной раз с разбегу попыталась пробить витрину.

Несколько прохожих удивлённо обернулись на пожилую, чумазую женщину в длинной разодранной по низу юбке и прожженном тулупе. Та вела себя совершенно неадекватно. Баба, как ненормальная, кричала на всю улицу:

– Я не хочу! Я не могу! Верни меня обратно, Зеркало! Сделай, как было!

С такими воплями Василиса снова и снова молотила кулаками по витрине, пытаясь вызвать таинственное сияние.

Из дверей туристического агентства выскочил худошавый мужчина в лиловом, клетчатом пиджаке. Он бросился наперерез Василисе, поймал её в объятия и легонько встряхнул.

Баба подняла на него лицо и встретила взглядом с карими, мягкими, чуть насмешливыми глазами. Мужчина был почти вдвое моложе её, но почему-то от его взгляда она немного успокоилась.

– Я не понимаю, зачем так нервничать? – иронично произнёс незнакомец. – Вы сейчас тут всё разобьёте. А дверь, если приглядитесь, находится в том месте, откуда вышел я. Заметьте, она совсем не там, где вы пытаетесь пробиться.

Некоторое время Василиса, словно не понимая, кто он,

что происходит, смотрела на него. Вдруг она резко вырвалась, отступила на несколько шагов и с воплем влетела в двери агентства. Пробившись к витрине изнутри помещения, начала снова биться в неё.

Молодой человек бросился за ней, подбежал, обхватил сзади и попытался оттащить от стеклопакета. Василиса, всё ещё пребывая в ужасе от происходящего, пыталась вырваться. Парень оказался неожиданно крепким для его хрупкой комплекции. Он почти силком вытащил Василису в центр комнаты и не выпускал из рук, пока та не перестала сопротивляться.

В туристическом агентстве

Баба обмякла и, наконец, огляделась.

Они были не одни.

В кресле перед монитором для посетителей сидела ухоженная дама лет сорока в коротком платье и распахнутой белой шубке. До появления Василисы она пролистывала пультом картинку горнолыжных курортов, но сейчас замерла, с удивлением наблюдая за происходящим.

Василиса, словно бы извиняясь, произнесла:

– Я домой хочу! Домой, понимаете! Отправьте меня обратно!

Кот на её руках мяукнул что-то невразумительное, и она добавила, показывая на Найдёна.

– Нас с ним.

Молодой человек посмотрел ей в глаза с мягкой укоризной, но ничего не сказал.

– Что происходит, Рафик? Кто эта женщина? – спросила дама в шубке недоуменно.

Мужчина не отреагировал на её реплику. Он выпустил из кольца рук напуганную гостью, поднял вверх палец и произнёс с легкой насмешливостью:

– Успокойтесь пожалуйста. Оставьте в покое витрину. Вы разобьете её и порежетесь!

Приложив руки к груди, несчастная баба быстро загово-

рила:

– Понимаете, мне надо домой. Я не хотела сюда! Совсем не хотела.

Казалось, вся эта ситуация только забавляет молодого человека.

– Если вам надо выйти, то лучше через двери, – он мотнул головой на выход. – Не надо для этого вышибать стекло!

Дама развернулась в крутящемся кресле в их сторону, и, закинув ногу на ногу, чуть подалась вперед.

– Может быть вызвать полицию, Рафаил? Пусть заберут эту... ненормальную.

– Людмила Семёновна, – вежливо сказал молодой человек, – мы сейчас разберемся. Видите, женщина слегка... взволнована.

Василиса сделала несколько шагов в сторону витрины. Её тут, в этом построенном великанами городе считали ненормальной. Но она же как-то оказалась здесь, через это самое прозрачное стекло. Если она из него вышла, значит, должен же быть какой-то вход обратно!

– Она не в себе, Рафик, – произнесла дама многозначительно.

– Я в себе, в себе! – попыталась объяснить баба. – Но мне... сюда не надо! Я не царевич, понимаете?

– Понимаю! – покладисто сказал парень.

Василиса сделала ещё один мелкий шажок в сторону витрины.

– Это ему, Прохору, надо царевен спасать... Мне-то к чему эти царевны?

Молодой человек кивнул, словно бы соглашаясь с этим неопровержимым аргументом.

– По-моему, надо звонить в психушку, – подала раздраженный голос дама.

– Людмила Семёновна, во имя всего святого, помогите мне успокоить эту особу. – Рафик обернулся к даме. – Иначе нам всем понадобится «скорая помощь». Она разобьет стекло, порежется. Я тоже порежусь... Вы порежетесь... И кот...

Василиса напряжённо осматривала глазами выход из агентства. Где же скрывается таинственная дверь обратно?

Дама не выдержала, поднялась.

– Знаете, Рафик, я пойду. Дома я обдумаю ваши предложения и напишу, на чем я остановилась. Хотя нет... сама завтра зайду в обеденный перерыв! А вы тут... удалите эту... заразу!

С этими словами Людмила Семёновна направилась к выходу.

Баба услышала, что её называют «заразой», обернулась. Взгляд скользнул по фигуре дамы и остановился на подоле короткого платья. У Людмилы Семёновны была великолепная фигура и стройные, длинные ноги, которые она не стеснялась демонстрировать. Именно они и вызвали волну возмущенного протеста Василисы. Для тех мест, откуда она была родом, подол платья взрослой женщины обязательно дол-

жен был закрывать щиколотки.

– Сама ты зараза! Прежде чем на меня указывать, посмотрела бы на свои коленки. Постыдилась бы на люди показываться!

Людмила Семёновна в панике глянула на колготки. Неужели затяжка или стрелка? Но колготки были безукоризненно натянuty.

– Что вы имеете против моих коленок? – возмущенно спросила она.

– Тьфу! – красноречиво сплонула Василиса.

Дама не стала связываться. Одарив на прощание неизвестную уничтожающим взглядом, она вышла с видом оскорбленной королевы. У Василисы даже рот приоткрылся от удивления.

– Что же это делается? – спросила она у Рафика. – Эта баба крашенная с голыми ногами ещё и на улицу пошла?! Там же люди ходят! Засмеют!

Молодой человек вздохнул, и, воспользовавшись затишьем, взял гостью за плечи. Он отвёл её подальше от стекла и усадил на гостевой диван. Василиса не сопротивлялась. Она продолжала смотреть через прозрачные двери, как Людмила Семёновна переходит дорогу. Там, на улице, шли прохожие. Никто не оборачивался на бабу в коротком платье, не улюлюкал, не свистел, не показывал пальцем. Словно бы для людей в порядке вещей было, что у той колени видно.

– Кто бы подумал, что вопрос длины юбки вас успокоит, –

задумчиво сказал Рафик, разглядывая гостью. – Чай? Кофе?

Василиса вскинула на него недоумённые глаза. Что он имеет в виду?

– Пить хотите? – спросил парень.

– Водички, – призналась баба, облизнув давно пересохшие губы.

Рафик подошел к кулеру, стал набирать воду.

Как найти Кощея в Москве?

Василиса огляделась. Первоначальный испуг прошел, и она с интересом рассматривала странную горницу. Здесь ни одна деталь не напоминала ей о прошлой жизни.

Помещение оформлено было в серо-голубых тонах с легкой примесью холодно-розового. В углу стояла высокая ель, украшенная шарами с фотографиями различных достопримечательностей. От неё по помещению разливался тонкий хвойный аромат. На стене позади дивана были наклеены фотообои с зимним рассветом.

Василиса задумчиво провела рукой по виниловому пейзажу. Чудно! Вроде бы стена, а картина на ней, как живая. Как такое вообще может быть? Уж не кудесник ли какой заколдовал кусок живой природы, обратив его в камень?

Она опасливо смотрела на молодого человека. Уж, верно, он и есть колдун, который заманил её в это место.

Порты на молодом человеке были синие. Удивило её, что карманы на них почему-то оказались нашиты сзади. Рубаха тоже была какая-то непростая, тонкая, белая, плотно прилегающая к телу. Его лиловый пиджак в мелкую клетку казался очень странным видом кафтана. Она знала, что добрые люди так не одеваются. А если это не добрый человек, то кто же он тогда?

Когда Рафик поднёс пластиковый стаканчик с водой, Ва-

силиса была уже почти уверена, что перед ней – великий чародей. Как обороняться от него, она не знала. Волшебная Метла была растрёпана по прутикам, а потому не помощница в этот трудный час.

Баба прижала себе крепче кота. Всё-таки вдвоём легче в чужом мире.

– С вами всё в порядке? – спросил молодой человек.

– Не всё, – Василиса принюхалась, опасаясь, что неизвестный колдун может дать ей какое-то зелье. Но вода пахла обычной водой. Баба осторожно отхлебнула. Вроде бы не отравя.

Найдён тронул хозяйку лапой, давая понять, что тоже хочет пить. Баба опустила к нему стаканчик. Пока кот лакал, она собиралась с мыслями.

– Ой, горемычная я, сиротинушка, – вдруг тихо запричитала она. – Посмотри на меня, молодец. Какой из меня царевич? Какой?!

Рафик скептически взглянул на гостью.

– Если честно – никакой!

– Я тоже так думаю, – жалобно произнесла Василиса. – Это он, Прохор, будь трижды неладен, должен спасать царевну, сражаться с Кощеем и Горынычем. Он, а не я...

Рафик сел в кресло напротив, и, подперев подбородок рукой, заинтересованно взглянул на бабу. В глазах светилось почти неуловимое лукавство.

– Как непостижимы судьбы Его и неисповедимы пути

Его! – произнес он слегка нараспев.

– Что? – не поняла Василиса.

– Нет... Просто... Любопытно. То есть вы сюда вот так... За царевной, Кощеем и Горынычем? – похоже было, что молодой человек с трудом сдерживается от смеха.

– Ты, кудесник, мне не веришь?

– Я? Верю! – улыбаясь, кивнул Рафик. – У нас, конечно, не каждый день появляется кто-то с такими оригинальными запросами. Обычно, кому на море, кому на горнолыжный курорт, кому шопинг-тур, – он кивнул головой на экран с заснеженными пиками Домбая, на фоне которых жизнерадостно улыбалась парочка с лыжами. Вот вам, к примеру, куда надо?

– Меня... в Москву отправили, – Василиса аккуратно поставила пластиковый стаканчик на стол.

Рафик расцвел дружелюбной улыбкой и широко раскинул руки, словно бы пытался обнять весь мир:

– Поздравляю вас! Вы в Москве!

Баба тоскливо взглянула за стекло. Там по улице шли люди в странной одежде, проехало несколько машин. Ох, и в жуткое место её забросило.

– Я тут не по своей воле! Это царевич должен был здесь оказаться. Ему богатырские подвиги надобны! – попыталась объяснить баба.

Вдруг она замерла, словно бы какая-то догадка поразила её.

– Погоди-ка... Да неужто тут я, в Москве, Кощея встречу, да глаза его окаянные гляну, – прошептала она. – Скажи, молодец, слышно тут у вас, в Москве, про Кощея?

Рафик усмехнулся:

– Надо Кощея? Найдем вам Кощея! Минуточку!

Он сел к компьютеру и бегло пробежал пальцами по клавиатуре.

– Ещё вот что скажи, кудесник... Нет ли у тебя веревницы али нитки какой? Мне бы Метлу переплести... – её печальный взгляд устремился на охапку прутьев.

– Веревки нет. Шнур от наушников подойдет? У меня тут есть старые, проводные ещё, – он отвлекся, вытащил из письменного стола связку спутанных проводов и кинул ей. – Берите, не жаль!

Василиса, покосившись на него, занялась ремонтом своей многострадальной Волшебной Метлы.

– А это твои хоромы, кудесник? – спросила она.

– Не мои, – ответил Рафик, не отрывая глаз от монитора. – Начальника моего – Мороза Ивановича Студенца.

Василиса почувствовала, как ужас прошелся льдистыми иголочками по телу от макушки до пальцев на ногах. Даже дыхание на какой-то миг перехватило. Она словно бы другими глазами взглянула на оформление странной горницы, на фотообои с холодным рассветом. Как же сразу она не догадалась, что Волшебное Зеркало из горницы терема зимнего бога к нему же и приведет?

– Ты сказал – это хоромы Деда Студенца? – баба вскинула на Рафика васильково-синие глаза, полные отчаянного страха.

– Деда? Может, кому он и дед. А для меня – начальник, – отозвался Рафик, не поднимая взгляд от компьютера.

– Так ты у него в услужении?! – догадалась Василиса.

Парень тихо рассмеялся.

– Почему? Я у него... подрабатываю... На полставки. Это не основная моя деятельность. Просто так получилось, что в это время я должен быть в этом месте. Мороз Иванович в новогодние дни очень... занятой. Сегодня его нет. Как-никак тридцатое декабря...

Василисе стало неуютно и даже страшно.

– Кстати, меня Рафаил зовут, – обаятельно улыбнулся ей молодой человек. – Можете звать просто – Рафик. А вас?

– Василиса.

– А по батюшке?

– Пантелеевна.

– Вы, Василиса Пантелеевна, вижу, знаете Мороза Ивановича?

На столе заработал принтер. Оттуда выехал лист бумаги.

Баба встала, собирая в охапку не до конца переплетенные прутья Метлы.

– Знать не знаю. Знакомиться не хочу. Если Студенец меня спросит, то меня тут... не было. Идем, Найдён.

Кот удивленно взглянул на неё. Его пугала жуткая улица.

– Пока он нас не заморозил живьём! – шёпотом добавила баба для кота.

– Кто заморозит? – Рафик услышал последнюю фразу. – Мороз Иванович? Да он же добрейшей души...

– Может, кому добрейшей, а кому... Я его норов знаю. Так что я пойду... куда-нибудь. Найдён, мы уходим!

– Зря. Посидели бы, чайку попили.

Василиса была уже почти у выхода.

– Да подождите вы! – окликнул её Рафик, доставая из принтера лист. – Я же вам всё уже нашёл! Вы же Кощея просили, так?

Баба обернулась:

– Кощея нашли?

– Я распечатал, куда вам надо отправиться. Дойдете до Дома детского творчества. Там сейчас как раз спектакль «Кощей против Нового года». Идите туда и будет вам... счастье, – он широко улыбнулся.

– Счастье? – переспросила Василиса с примесью присущей ей тоскливой, бабьей горечи.

Молодой человек подошел к ней с листом бумаги.

– Это что? – спросила Василиса.

– Схема... Как добраться.

Судя по недоуменному взгляду, который он получил в ответ, она ни слова не поняла из сказанного.

– Та-ак, – протянул Рафик. – Вижу, вы не сильны в картах. Ох... сложно с вами... Смотрите сюда: вот квадрати-

ки. Это – дома. Между ними линии видите? Это – дороги. Стрелками отмечено куда вам надо идти и где поворачивать. Тут несколько кварталов пройти. Просто по домам считайте. Семь квадратиков – это семь домов, там поворот... еще три... снова поворот... Дальше по прямой...

– Я тут... не понимаю, – беспомощно сказала баба, глядя в листок.

– Не расстраивайтесь. Уныние – грех... Смотрите... Выходите из дверей, сразу направо. Если заблудитесь, у прохожих спросите: где Дом детского творчества. Запомнили? Люди помогут.

Василиса невесело кивнула.

– Ах, вот что ещё, – сказал вдруг Рафик, снимая с вешалки небольшой городской рюкзачок. – Возьмите...

– Это что?

– Э-э-э... Сумка заплечная.

– Зачем?

– Кот у вас большой. Устанете его на руках всё время таскать, в рюкзак посадите. Или метлу сюда, в боковые ремешки вставьте...

Баба пожалала плечами, но отказываться не стала.

Письмо Деду Морозу

В это же самое время, всего в нескольких кварталах от туристического агентства, в просторном фойе фитнес-центра шло занятие по ножевому бою. Тренировку проводил пожилой, жилистый, светловолосый бородач. Ему было уже под шестьдесят, но двигался он легко, стремительно, ускользая от любого удара противника.

Мужчина при этом почти не переставал улыбаться светлой, простой, и словно бы слегка виноватой улыбкой. Казалось, что ему немного неудобно за то, что всё у него получается без особых усилий.

Не обращая внимания на происходящее в зале, у подоконника на стуле рыжеволосый шестилетний мальчик старательно писал в тетрадном листе «Дет Марос пажалста». Ребёнок, прикусив от усердия нижнюю губу, выводил каждую букровку новым цветом, считая, что так получается красивее. В какой-то момент мальчишка замер, задумался. Неожиданно он встал и, захватив письмо и красный фломастер, направился прямо к тренеру.

– Так, мужики, – говорил тот, сжимая в руке резиновый, тренировочный нож и останавливаясь напротив партнера, – Задача следующая. Смотрите... Идёт быстрая атака со стороны противника... Нам надо на короткое время защитить себя от той руки врага, которая опаснее всего. То есть надо

нейтрализовать её для того, чтобы самим атаковать. Показываю...

В этот момент детская ладошка легла на его запястье.

– Деда, а как слово YouTube пишется?

– Витёк, не видишь, что у меня занятие? – тренер отстранил ребёнка от себя и повернулся к ученикам.

– Фёдор, я не понял, – обратился к нему партнер. – Ты это как сделал?

– Смотри, Паш. Вот так... плашмя по руке, отводя её в сторону. Сам продвигаешься скользящим движением вперёд, не останавливаясь, – Фёдор и его партнёр показали манёвр так медленно, как только могли. – И по животу... Нет, не останавливаясь, я сказал...

– Деда-а-а! – протянул мальчик ещё раз.

– Я занят. Вон, у дяди Лёши спроси. Ему все равно делать нечего, стену пиджаком протирает.

Витёк вздохнул, огляделся.

Фойе, где проходило занятие, соединялось с дверью в танцевальный класс. Около неё находилось двое респектабельных мужчин. Один из них был блондин, стриженный ёжиком. Ему было около двадцати восьми. Второму уже было под сорок, и он имел заметные залысины на гладко прилизанных, тёмно-каштановых волосах. На этом различия заканчивались, так как рост, атлетическое телосложение и одинаковые классические костюмы делали их неуловимо похожими друг на друга. К тому же оба стояли как две непоколе-

бимые глыбы, охраняя вход в танцевальный класс.

– Лёха, – крикнул Фёдор одному из этих парней. – Посмотри, что там Витьку надо.

– А что Лёха сразу? Самого крайнего нашли? – буркнул тот, что был стрижен ёжиком.

Но мальчик уже подошел к нему.

– Дядь Лёша, а как YouTube пишется?

– Тебе, пацан, зачем YouTube? – недоуменно спросил мужчина.

– Мне очень надо! Я письмо Деду Морозу пишу, – глаза мальчишки были серьёзными и требовательными.

Лёха хотел состричь, что пора ребёнку перестать верить в сказки, но подумал и не стал. Он достал сотовый, нашёл на нем значок сайта и показал его Витьку.

– Смотри, малец!

Тот, приложив бумагу к стене, старательно красным фломастером переписал слово.

– Дядь Лёша, а сто тыщ это сколько нулей?

– Четыре... Ой... Пять нулей. Палочка и пять нулей.

Второй мужчина, тот, что был старше, удивленно посмотрела на Витька.

– Пацан, а ты чего там заказываешь? Дед-то потянет у тебя заказ на сто тысяч?

– Так я же не дедушке, а Деду Морозу пишу, – пояснил мальчик, поражаясь, почему взрослые дяди не понимают таких простых вещей. – Я буду блоггером. Мне позарез надо

сто тыщ лайков собрать!

– Понял, Макарыч, что нынешние дети себе на Новый год просят? – ухмыльнулся Лёха.

Макарыч покачал головой:

– Дожили... В твоём возрасте, пацан, я Деду Морозу паровозик заказывал.

– Железную дорогу с паровозом мне дедушка Федя итак подарит. Я у него в шкафу видел, – деловито сказал мальчик. – Он его старым свитером прикрыл, чтобы я не заметил до праздника. А Деду Морозу надо взаправдашние желания писать!

Витёк одарил непонятливых дядей взглядом, полным сочувствия и укора, и направился к своему подоконнику.

Телефонный разговор

Пока мальчик шёл, в кармане его комбинезона зазвонил телефон.

На экране высветилась фотография старшей сестры Маруси. Изображение было смешное, но не очень удачное. Маруська регулярно просила его удалить, но Витёк всегда сопротивлялся. Чего удалять, если фотка выражала все его представления о родственных чувствах?

– Алё! – важно сказал он.

В это самое время в Доме детского творчества тринадцатилетняя Маруся сидела у зеркала в примерке театральной студии. Она, прижав телефон к плечу, наносила грим на лицо. Девочка старалась скрыть веснушки, так как по ее мнению Снегурочка, роль которой она играла в новогодней сказке, должна была быть исключительно белолицей.

Вокруг было шумно и весело, как всегда бывает перед спектаклем. Чтобы перекрыть этот гам, приходилось говорить чуть громче обычного.

– Алё, Витёк! Тебя дед уже из детского сада забрал?.. Да, я помню, что у вас короткий день... Ты у него на тренировке? Слушай... Дед не забыл, что у меня сегодня в шесть спектакль?

К девочке подошел худой, долговязый подросток, одетый в черный костюм с нарисованным серебристым скелетом.

– Маруська, загримируй меня, – попросил он.

– Сеня, отвали, я разговариваю, – огрызнулась девочка. –

Вить, не тебе... Ты там напомни деду, что я вас жду.

– Мару-у-усть! – не унимался мальчик.

Девочка смерила его уничтожающим взглядом и продолжила в телефон:

– Да-да, в шесть. Всё, Вить, пока... Лезут тут всякие...

Она отложила телефон в сторону, и, словно бы не замечая Сеню, занялась маскировкой ненавистных веснушек.

– Да ты итак красивая! Хватит уже себя портить, – не выдержал Сеня. – Загримируй лучше меня. Я – Кощей, я страшным должен быть!

Снова спортзал

Занятие по ножевому бою продолжалась.

Лёха с Макарычем всё так же стояли, словно двое из ларца, по обе стороны от двери в танцевальный класс. Оттуда периодически доносилась какая-то попсовая индийская песня. Заняться амбалам было решительно нечем, поэтому они наблюдали за тренером, тихо обсуждая между собой каждый приём, который тот показывал ученикам.

– Круто у него выходит, – в какой-то момент не удержался от восхищенного высказывания Лёха. – Спецназовец он бывший, что ли?

– Не похоже. Я сам в спецназе служил, нас так не учили, – откликнулся Макарыч. – Я бы сказал, что техника у него... топорная... Но он ловкий, аж завидно.

– Я был с ним в спарринге. Он меня на раз уделал. Да что меня... Он даже шефа под орех просто... Понимаешь?

– Константина?! – Макарыч покосился на двери в танцевальный класс, очевидно имея ввиду человека, который находился внутри. – Эх, жаль я не видел. Я бы посмотрел... У нас против Костика никто из мужиков не сдюжил. Если Фёдор против шефа может... Уважуха!

– Я видел. Костик ему долго всухую продувал. Но в последний раз свел в ничью, а после даже выиграл.

– Сколько же я пропустил со своим больничным, – вздох-

нул Макарыч. – Интересно, где Фёдор учился?

– Ребята спрашивали, – охотно пояснил Лёха. – Он сам не знает. У него с черепушкой не все в норме. Травма была.

Оба посмотрели на тренера. Тот ходил между пар и следил, как ученики отрабатывали приемы.

– А как его сюда-то работать взяли? – Макарыч обвёл глазами помещение фитнес-центра. Тут же надо медкомиссию проходить.

– Костик устроил. Это же его личный спортзал. Ему тут слова поперёк никто не скажет. Опять же... подробностей не знаю. Парни утверждают, что шеф его просто на улице увидел, велел машину тормознуть. Подошёл, пообщался минут пять... А через некоторое время сюда привёл. Вся охрана фабрики ходит теперь к дяде Феде на трени. Еще попробуй не приди!

– Они знакомы что ли?

– Видимо... Я в эти подробности не лез.

Макарыч задумался, почесал подбородок:

– Похоже, что знакомы. Конечно, шеф – мировой мужик. К людям с пониманием! Но просто так человека с улицы работать бы не взял. Кстати, Лёха... про мировых мужиков... я когда увидел размер премии, чуть со стула не упал.

– Я тоже ошалел. Что-то шеф расщедрился к празднику. Теперь к матери в Геленджик в отпуск сметаюсь. Уже пять лет у неё не был. Завтра корпоратив отстою, и на самолет...

Между тем тренер показал новый, особо хитрый приём.

– Ух ты! – восхищенно сказал Лёха. – Как это он? Ну-ка, дай повторим.

Макарыч покосился на двери:

– Константин нам головы порубает.

Лёха приблизил ухо к щели. Оттуда опять донеслась музыка.

– Думаю, Костику не до нас. Он там опять отплясывает свои... индийские танцы. – Я чего не пойму, Макарыч... Серьезный же мужик вроде... Но не танго, не хип-хоп... а этот... как его... «Болливуд»!

– Слушай, если бы у меня было столько бабла, сколько у шефа, я, может быть, тоже бы отплясывал индийские танцы. – ухмыльнулся Макарыч.

– Да нет... Другое тут...

Через фойе к ним быстрым шагом шёл чуть запыхавшийся Рафик.

– Добрый вечер. Константин Степанович уже на месте? – спросил он.

– Да. Танцует, – сказал Макарыч, и сделал знак рукой, чтобы Рафик остановился.

Сам он аккуратно постучался. Музыка стихла. Тогда мужчина приоткрыл двери и произнес:

– Константин Степанович! Тут ваш психотерапевт.

– Пусть входит! – раздался голос из-за двери.

Танец в стиле «Болливуд»

Рафик вошел в просторный танцевальный класс. Посреди зала стоял элегантный, стройный мужчина лет тридцати пяти, одетый в чёрный костюм для хореографии. Его темно-русые волосы чуть растрепались в ходе интенсивного занятия, но на лице с легкими признаками небритости, не было ни тени румянца.

У подвешенного на кронштейне экрана находилась женщина-хореограф – невысокая, коротко стриженная блондинка. В ее руках был пульт, которым она только что остановила клип с участием красивой, молодой индианки модельной внешности.

– Добрый день, Константин Степанович. Здравствуйте, Полина. Не помешал? – спросил вежливо Рафаил.

Константин не ответил, только кивнул и улыбнулся уголками рта. Сразу же заиграли ямочки на его бледных щеках. Пожалуй, можно было бы сказать, что он рад встрече, но глаза его выдали. Они остались холодными, неприветливыми, как две маленькие, синие льдинки.

– Так я вам не помешаю? – как ни в чем не бывало повторил вопрос Рафаил, направляясь к стулу. – Я тут в сторонке посижу, у зеркала... Как успехи?

– Константин – прекрасный ученик. – улыбнулась хореограф. – Можем смело через месяц или два отправлять его на

конкурс танцев в стиле «Болливуд».

– Любопытно было бы взглянуть, – произнёс молодой психотерапевт, усаживаясь.

Сейчас он вёл себя совершенно не так, как в туристическом агентстве. С его лица исчезло выражение лукавства, он выглядел спокойным, внимательным и казался чуть старше своих лет.

– Мы как раз следующую часть разбираем, – сказала Полина, нажимая кнопку на пульте.

Под музыку клипа прекрасная индианка сделала несколько танцевальных па в сторону партнёра. Хореограф остановила видео и обернулась к ученику:

– Смотрите... Тут она как бы говорит своими движениями: «Молодой человек, если ты любишь меня, выбирай – жить со мной или умереть одному».

Хореограф повторила рисунок танца индианки, иллюстрируя каждое слово положением рук, ног и всего тела. Она отражалась в зеркалах хореографического класса, и от этого создавалась иллюзия, что в зале танцует сразу несколько женщин.

– Следующими жестами девушка показывает нам, что любовь – это самое прекрасное чувство! Видите... вот здесь она вращает кулаком напротив груди, словно бы демонстрирует сердце... как оно бьется... После следует круг талией... Теперь смотрим на партнёра. Можно заметить, что он своими движениями с ней соглашается. Парень танцем говорит, что

готов обойти с ней весь мир... Вот так!.. Константин, давайте присоединяйтесь...

Мужчина, почти ни разу не сбившись, повторил мужскую партию.

Полина снова запустила клип. Учительница и ученик двигались в такт паре на экране. В одном месте Константин всё-таки немного сбился. Когда момент закончился, он обернулся к психотерапевту и спросил:

– Как? Нравится?

Рафик неопределенно улыбнулся, словно бы давая понять, что могло быть и лучше.

– Поймите, Константин Степанович, – произнёс он после некоторого молчания. – Смотрю я на вас... В вашем теле, во взгляде нет никакой страсти. Ни капли. Одна техника. А то, что танцуют в клипе... это не скромные танцы. Не надо сдержанности... Расслабьтесь! Вы же видите, девушка признаётся, что готова к любви.

Рафаил неожиданно вскочил, и повторил все движения артистки с удивительной точностью.

– Какой взгляд у неё... Красавица горит, как огонь, – он указал ладонью на индианку на экране.

– Обратите внимание, как работают руки и ноги её партнёра! – вставила хореограф.

Константин некоторое время стоял, словно обдумывая, что ему сказали, потом довольно точно повторил мужскую партию. Остановившись, он взглянул на Полину.

– Я понял вот что... Мне не интересно подражать тому парню.

– Но вы же сами сказали, что хотите танцевать с ней на равных, – слегка растерялась хореограф.

– Да, хочу танцевать с ней. Держать ритм и рисунок танца. Но я... не хочу быть его подобием, – сказал мужчина, презрительно кивнув на партнёра индианки. – Не терплю быть чьей-то копией.

Женщина хотела возразить, но промолчала, обдумывая его слова. В конце концов этот человек был её клиентом, и платил хорошие деньги за то, чтобы получить от занятий именно то, что нужно ему.

– Я думаю, мы должны позволить Константину Степановичу внести в танец... немного индивидуальности, – разрядил напряжённую атмосферу Рафик. – Для него это важно.

Константин, не дожидаясь ответа, взял из рук хореографа пульт и запустил клип сначала. С экрана полилась музыка. Мужчина мгновенно влился в танец. Полина подскочила к нему, повторяя партию партнёрши. Она смотрела в зеркала, чтобы понять, как они смотрятся вместе, если позволить ученику легкую импровизацию.

Поняв, что Константин немного расслабился, она тихо спросила его, не прерывая танца:

– Откуда ваш психотерапевт разбирается в стиле «Болливуд?»

– Не знаю. Он много в чем разбирается.

– Он так молодо выглядит... Я не уверена, что у него хорошая квалификация.

– Мне все равно, что вы думаете, – не прерываясь, произнес партнёр.

– Простите, господин Бессмертный.

В этот момент ученик совсем запутался в движениях ног.

– Стоп! – хореограф нажала на кнопку пульта и выключила клип.

Индианка на экране замерла в соблазнительной позе.

– Как вам, Рафаил? – Константин обернулся к психотерапевту.

Тот пожал плечами и пояснил:

– Константин Степанович! Вы танцуете, как замороженный! А девушка – как лепесток пламени. Ради такой надо выложиться по полной. Постараться! Смотрите, какая она темпераментная...

– Главное, породистая, – спокойно кивнул Константин.

– Вы как будто не о красивой женщине говорите, а о лошади. Мы же договаривались, что вы будете стараться! – с укором произнес Рафаил.

Бессмертный насмешливо взглянул на экран. Сейчас он ухмылялся только правым уголком рта, а от этого щеке заметно проявилась ямочка.

– Я думала, что вы хотите ей понравится, Константин Степанович, – с мягким упреком добавила Полина. – Чуть не сделала вам комплимент.

– Мне? Какой?

– Просто... редкий мужчина хотел бы разделить увлечения своей девушки. И тем более выучить танцы из её программы, если она – артистка. Я такого романтика, как вы, никогда не встречала за всю свою танцевальную практику.

Она бросила взгляд на красотку с экрана. В Москве есть любители танцев в стиле «Болливуд», но, обычно, на занятия приходят женщины, увлекающиеся индийским кино и культурой. Когда к ней с предложением обратился известный московский мультимиллионер Бессмертный, Полина сначала даже растерялась. Она не думала, что это предложение серьезно. Как ни странно, её новый ученик терпеливо ходил на занятия. Целью их была выучить целую программу выступления индийской певицы Анджели.

– Романтичный? – Константин пренебрежительно шевельнул плечом. – Я не понимаю, что вы имеете ввиду. Просто хочу связать с ней... свою судьбу... Это не так интересно, как вы думаете... Давайте-ка еще раз разберемся с последним куском... Я слегка запутался...

Хореограф медленно показала движения. Ученик подстроился, и они начали ритмично двигаться по хореографическому классу без музыки.

Рафаил удовлетворенно наблюдал то за парой в зале, то за их отражениями в зеркалах. Он был сосредоточен, словно бы от того, как его подопечный выучит танец, зависело что-то очень важное и значимое.

– Замечательно получается, – одобрила Полина. – Быстро схватываете. Это хорошо. Вдруг ваша любовь доведет вас до того, что вам придется и танец молодожёнов танцевать.

Константин резко остановился.

– Я сказал, что хочу связать с этой красоткой свою судьбу... Она мне подходит... Про женитьбу и любовь не сказал ни слова.

– Ой... простите, Константин Степанович... я думала, вы...

Он цинично рассмеялся и в очередной раз стал в одиночку повторять выученный рисунок танца. Только после того, как дошёл движения до автоматизма, обернулся к хореографу:

– У меня, Полина, родовое проклятие...

– Проклятие? Звучит загадочно...

– В нашем роду понять, что такое «любить» сумел лишь дядя. Остальным моим близким это не дано...

– Берите пример с дяди... У него же получилось.

– Не выйдет. У него особый случай...

Они остановились.

В наступившей тишине Рафаил внезапно спокойно произнес:

– Любить, Константин Степанович – это глагол, который отвечает на вопросы: «Что делать?» и «Что сделать?» Если вы будете всё время делать что-то для девушки, она станет вам не безразлична. Я вам об этом постоянно твержу.

Константин крутанулся на пятке в его сторону.

– Не уверен... Но я согласился на этот... эксперимент.

– Эксперимент? – удивилась женщина. – Вы называете чувства экспериментом?

– Именно, – не оборачиваясь, ответил Бессмертный. – Этот эксперимент или любой другой... не хуже, не лучше...

– В чем же состоит этот «эксперимент?» – спросила хореограф. – Что туда входит?

– Много чего. Я пишу ей стихи на английском... Да, мне пришлось этому научиться. Брал уроки, вот как сейчас у вас... Посылаю несколько раз в неделю букеты в Индию. Сам их составляю... Он посоветовал, – Бессмертный мотнул головой в сторону психотерапевта. – Летал к ней, приглашал в ресторан... выгуливал в парке, говорил о природе...

– Есть результаты?

– Нет. Никаких. Смотрю на неё, как на красивую куклу и думаю: что я с ней вожусь? Знаете, ваши танцы учить оказалось куда более занятным делом, чем всё то, что принято называть ухаживанием.

– Будет результат, – убеждённо сказал психотерапевт.

– Большую часть времени я умираю от скуки, – Константин отобрал пульт, включил музыку и начал двигаться в такт с артисткой. Он импровизировал на ходу, и у него довольно неплохо получалось.

Хореограф отошла так, чтобы на одной линии оказался экран и Бессмертный. Константин перекрыл собой партнёра Анджели, поэтому был некий эффект, словно бы он и краса-

вица танцуют вместе. Пара двигалась не в такт, но почему-то их совместный танец выглядел завораживающим и гармоничным. В голове хореографа проскользнула мысль, что индийская артистка и эксцентричный российский мультимиллионер были бы красивой парой.

Закончил ученик танец эффектно и ярко, гораздо лучше, чем это сделал партнер Анджели на экране.

Не выдержав, Полина подошла к Бессмертному и с чувством пожала его руку.

– Bravo, Константин! Этот ваш финал... Блеск! Знаете, мне кажется, что у вас всё получится...

Неожиданно она почувствовала, какие у него холодные, почти ледяные руки. Это было так неестественно, что она отдернула ладонь и невольно поднесла пальцы к губам, чтобы согреть их дыханием.

Бессмертный взглянул на неё насмешливыми глазами и усмехнулся.

– Холодные?... Простите... У меня есть некоторые проблемы... с теплообменом. Не обращайтесь внимания... – он помолчал и добавил: – Я так понимаю, наш урок окончен?

Полина кивнула.

Константин дошел до вешалки, достал бумажник из барсетки, и протянул хореографу пятитысячную купюру.

– С наступающим!

Приглашение на корпоратив

Тренировка была закончена. Мужики расходились, поздравляя друг друга с праздником. Фойе фитнес-центра стремительно пустело.

– Витёк, собирай фломастеры и карандаши, опоздаем, – сказал дед внуку.

Из танцевального класса легкой, пружинистой походкой вышел Константин. Он заметил стоящего к нему спиной тренера.

– Фёдор!

Тот обернулся, широко и приветливо улыбнулся шефу.

– Хорошо, что ты еще не ушёл. Как насчет небольшой разминки?

– Константин Степанович, да я бы рад... – улыбка Фёдора стала совсем виноватой. – Но сегодня у внучки спектакль. Премьера... Боюсь опоздать. Давайте уже после Нового года?

К ним, прижимая к груди пачку карандашей и фломастеров, подбежал Витёк.

– Деда-а-а, я уже готов...

Тренер взлохматил рыжую голову мальчика. Константин глянул на ребёнка и спросил:

– Внук?

– Да. Витька.

– И внучка есть?

– Ага... Марусей зовут. К ней и тороплюсь.

– Деда. идём! – заныл Витёк.

Константин посмотрел на тренера долгим взглядом и усмехнулся чему-то своему.

– Хорошо, иди уже на свой спектакль.

Витёк попытался потормозить деда, но тут у него рассыпались по полу фломастеры. Чтобы не помять драгоценное письмо Деду Морозу, мальчик положил его на подоконник, а сам принялся собирать своё рассыпавшееся добро.

– Слушай, у меня завтра семья одна на корпоратив не придёт, – вдруг сказал Константин. – Столик освободился. Приходи с семьей. Приглашаю.

– Да нам как-то... дома привычнее, Константин Степанович, – от неожиданного предложения тренер растерялся. – Телевизор... ёлка...

– Не стесняйся... Все оплачено. Крутой ресторан с панорамным видом на Москву... Все фейерверки как на ладони будут. Артисты, представление...

Фёдор замялся. Перспектива была заманчива.

– Да как-то неловко... У вас там важные люди будут... Поймите, господин Бессмертный... Я-то кто по сравнению с ними? Так... никто. У вас в охране работаю и ещё тренером тут на полставки... Какой мне... ресторан?

– Важных людей не много. Корпоратив для лучших работников компании. Просто как маленькое поощрение в честь

уходящего года... Премия... К тому же ты сейчас не только мой работник, ты ещё и мой учитель по боевым искусствам... Могу я пригласить на праздник того, у кого учусь я и вся моя охрана?

– Да какой я учитель... так... через пень твою полено... Умею малёхо...

– Слушай, Фёдор... – шеф улыбнулся еще шире и сказал с чувством: – Я лично... приглашаю.

Тренер шумно вздохнул. О новогоднем корпоративе в одном из самых дорогих высотных ресторанов Москвы он, конечно, слышал. Все на работе только об этом и говорили, шёпотом гадая, в какую сумму мероприятие обойдется владельцу фармацевтической компании Бессмертному.

Фёдору было и лестно, и боязно согласиться на такое предложение. Он был простой человек, по ресторанам не ходил. Но как отказать своему непосредственному начальнику, который взял его на работу, когда дела были совсем плохи?

– Приезжайте... – продолжал все так же дружелюбно шеф. – Не пропадать же столику... Впрочем, если не хочешь...

Фёдор ещё раздумывал. Что он теряет? Ничего. Дома он уже много раз встречал Новый год. А так хотя бы какое-то разнообразие.

– Эх... была не была... Только я не один, Константин Степанович. Дочь в Прагу улетела на праздники личную жизнь устраивать. Со мной внуки будут.

– Я же сказал... Приходи с семьёй. С внуками можно.

Тренер просиял.

– Спасибо. Вы – лучший начальник на моем веку! Я так рад, что я вас встретил...

Константин бросил быстрый взгляд на его лицо. Фёдору показалось в какой-то момент, что шеф хочет что-то спросить, но господин Бессмертный промолчал.

Голова Витька ткнула деда под руку.

– Идём! – протянул внук. – Маруся ждёт!

– Все, бежим уже... Тогда до завтра, Константин Степанович. Спасибо за предложение. Мы обязательно придём! – счастливый тренер быстрыми шагами направился к выходу.

Господин Бессмертный задумчиво смотрел им вслед. Медленно таяла улыбка на его аристократически-бледном лице.

Запись на мобильник

Фёдор, нашарив бирки в кармане, протянул их гардеробщице. Пока та ходила за одеждой, мальчик внезапно понял, что где-то оставил свой листок.

– Я письмо Деду Морозу забыл. Можно за ним сбегать?

Фёдор обеспокоенно взглянул на часы, которые висели тут же, в вестибюле. До Дома детского творчества, где выступала Маруся, было не очень далеко от фитнес-центра. По времени они укладывались к началу. Но дед серьезно опасался, что вечером тридцатого декабря весь город будет стоять в пробках, и быстро они не доедут.

– Эх, Витёк... Давай уже... Одна нога здесь, другая... Беги! Я пока вещи получу.

Мальчик помчался в сторону лестницы, так как зал, где недавно проходила тренировка, располагался на втором этаже.

Свет на ступеньках уже погасили, но в фойе еще горела часть светильников. Витёк, который только что поднялся, внезапно замер. Его внимание привлек Константин, который в полной тишине отрабатывал недавно разученные движения танца. Он уже отправил своих охранников вниз получать вещи, и был в зале совершенно один.

Бессмертный был так увлечен, что не заметил стоявшего в полумраке мальчика.

Так получилось, что Витёк планировал стать известным блоггером на YouTube. Мама, улетая в Прагу, подарила ему мобильный телефон и научила снимать видео. Своего канала у мальчика пока не было, но он собирался привлечь к этому делу старшую сестру. Ему нужен был какой-нибудь подходящий сюжет, который соберет в сети заветные сто тысяч лайков. Пока Витёк никак не мог придумать, что будет снимать, но тут его осенило.

Мальчик незаметно скользнул в темную раздевалку для спортсменов. Не долго думая, он достал телефон и стал записывать танцующего начальника деда.

Константин двигался красиво и очень технично. Неожиданно раздался звонок с его мобильного. Мужчина остановился лишь на мгновение, чтобы достать телефон, а дальше разговаривал, не прекращая танцевальных па.

– Да, я слушаю... И что?.. Я предупреждал, что штамм «Горыныча» вызовет мутацию... Это естественный процесс... Что значит, так не бывает?.. Чего все паникуют?.. Она надежно заперта... А без меня никак?

Громкий, слегка раздраженный голос Константина хорошо и четко слышался в пустом зале.

– Я что, должен сейчас бросить свои важные дела и ехать в лабораторию? – продолжал он. – Да прекратите вы истерить! У вас всего-то зараженная вирусом ящерица-мутант, и та в барокамере... Вы что там, консилиум собираете? Обязательно это делать вечером тридцатого декабря?.. – некото-

рое время Бессмертный слушал, что говорили в трубку, после этого добавил с заметной досадой: – Хорошо, я буду через полчаса...

Он остановился, выключив мобильник. Мальчик тоже перестал снимать и забился в самый темный угол раздевалки, чтобы не быть замеченным.

– Почему люди такие паникёры? – произнес Константин, убирая телефон. – Подумаешь, у ящерицы выросли две лишние головы.

С этими словами он вышел из зала, погасив за собой свет.

Витёк некоторое время тихо сидел в раздевалке, опасаясь, что Константин вернётся, отберет у него мобильник и заставит стереть видео. Но в зале было тихо.

За окном сгустились сумерки. Уже горели фонари. Их света хватило, чтобы мальчик нашёл на подоконнике своё письмо, взял его и побежал вниз к ожидающему его деду.

Просьба Константина

Фёдор уже стоял в верхней одежде, а внука всё не было. Мужчина нетерпеливо поглядывал на часы.

Первым со стороны лестницы появился господин Бесмертный.

– Константин Степанович, вы там мальчика моего не видели? – спросил его тренер.

Начальник отрицательно качнул головой. Он был занят, так как снова с кем-то говорил по телефону. В этот момент к шефу подошёл Макарыч и подал модное, короткое пальто, обильно украшенное золотой и серебряной вышивкой. На любом другом человеке подобный предмет гардероба мог бы показаться чересчур экстравагантным, но господин Бесмертный даже в обычной жизни не боялся выглядеть оригинально и немного эксцентрично.

Константин убрал телефон, накинул на плечи кашне, надел пальто. Он немного постоял, словно бы что-то обдумывал, а после направился в сторону тренера. Лёха и Макарыч, как телохранители, развернулись в их сторону. Близко они не подходили, держались немного в стороне, чтобы не мешать.

– Слушай, Фёдор. Такое дело... Просьба есть.

Тот улыбнулся, словно бы давая понять, что охотно выполнит любое распоряжение.

– Меня наш многомудрый учёный совет вызывает на фабрику, – пояснил Бессмертный. – Боюсь, задержусь надолго.

– Что нужно от меня?

– Ты говорил, что когда-то на автобусе работал? Права действительны?

– Было дело. И права есть.

– Ночью из Дели прилетает девушка. Индийская поп-звезда Анджели со своей танцевальной группой... Они у нас завтра на корпоративе выступают.

Тренер удивленно расширил глаза.

– Индийцы? У нас?

Лёха, который поразился не меньше Фёдора, тихо спросил, обращаясь к стоящему рядом Макарычу:

– А своих звезд у нас в стране нет? Или всех под Новый год разобрали?

Константин услышал эти слова, и, едва повернув голову в сторону лезущего не в свое дело телохранителя, произнёс:

– Юмор? Ценю. Но говорю тут я.

Лёха смутился, кивнул, что понял. Больше он рта не раскрывал.

– Фёдор, ничего особенного не требую. Возьмешь в гараже фабрики автобус, поедешь встречать гостей, отвезешь их в отель.

– А Толик, ваш шофёр?

– У него жена где-то за городом рожать вздумала, он за ней сорвался, чтобы в больницу везти... Самолет хоть и но-

чью, но вдруг Толик не успеет вернуться. На улице снег валит, ещё и пробки... Справишься?

– Будет сделано, – широко улыбнулся Фёдор.

– Я секретаря своего с тобой отправлю, он все знает...

Твоя задача встретить и доставить до отеля наших гостей.

К ним подошел Витёк.

– Ты где был? – строго спросил дед внука.

– Я забрал письмо для Деда Мороза!

– Держи куртку!

Константин усмехнулся, глядя на мальчика:

– Написал письмо Деду Морозу?

Тот утвердительно кивнул, и на всякий случай спрятал телефон в кармашек комбинезона.

– Письмо деду Морозу – это хорошо, – серьёзно сказал Бессмертный. – Знаешь, я тоже... написал.

– Правда? – удивился Витёк, широко распахивая золотисто-карие глаза. – Я думал, взрослые уже не пишут.

Константин рассмеялся, развернулся в сторону тренера и добавил:

– Фёдь, ты, главное, повежливее с моей гостьей.

– Да не вопрос!

– Ты не понял... К ней обращаться с максимальным почтением. Она – дочь индийского махараджи.

Фёдор кивнул, а после осторожно спросил:

– Константин Степанович... А кто такие... махараджи?

Начальник, похоже, удивился:

– Не знаешь? Ах да, все время забываю, что у тебя с головой... того... Как тебе права вообще дали?

– Так это когда было... Давно... до переезда в Москву. У нас в районе не так сложно было их получить. Работать было некому, народ на работу со всех деревень собирать приходилось... И детишек в школу возить...

Шеф ещё раз посмотрел на него долгим, пристальным взглядом и пояснил:

– Махараджи, Фёдор, это такие мелкие царьки в Индии. Власти политической у них давно нет, а вот гонор... Гонор у них остался.

– Так, стало быть, дочка махараджи – это, если по-нашему, царица? – уточнил тренер.

– Вроде того, – кивнул Бессмертный.

– Ух ты, круто! – не выдержал Витёк.

Константин взглянул в сторону телохранителей:

– Макарыч, позвони секретарю, чтобы он Фёдору скинул номер рейса и адрес отеля. Ещё пусть приготовит букет цветов. Сегодня моя артистка обойдется покупным букетом.

– Мне бы еще фотографию, – напомнил Фёдор. – Чтобы я не перепутал её... Мало ли...

– Не перепутаешь. Она – звезда. А звезду, Федя, всегда видно!

Похлопав тренера по плечу, шеф направился к выходу из фитнес-центра.

Общий секрет

Сумерки уже совсем сгустились, когда дед и внук дошли до парковки, где находилась старенькая «Лада» Фёдора.

В воздухе кружил снежок, поэтому сначала пришлось очистить лобовое стекло. Занимаясь этим, тренер удовлетворенно крякнул:

– Хорошо на улице, по-новогоднему...

– А я письмо деду Морозу написал, – похвастался Витёк, усаживаясь в детское кресло и пристёгиваясь. – Посмотри.

Фёдор расположился в кресле водителя, включил верхний свет, взял лист бумаги и пробежал по нему глазами. Возвращая письмо, удивленно поинтересовался:

– Вить, а тебе зачем от Деда Мороза сто тыщ лайков на YouTube?

Мальчик насупился, помолчал, а потом подозрительно спросил:

– Ты маме не расскажешь?

Фёдор, обернувшись к внуку, серьёзно сказал:

– Мы же с тобой мужики, Витька. Что мы будем маме рассказывать?

Мальчик засопел носом, поёрзал в кресле и признался:

– Я сегодня придумал, что буду блоггером.

– Хорошая мысль. И тебе сразу надо стать самым известным? – поинтересовался дед.

Витёк мотнул рыжей головой и пояснил:

– У нас в группе есть одна девочка... Наташа Васильева.

Если я наберу сто тыщ лайков... Смеяться не будешь?

– Витька!

Мальчик вздохнул и тихо добавил:

– Она меня... поцелует...

У Фёдора отвисла челюсть. Он с трудом удержал улыбку и кивнул, со всей важностью момента общего секрета:

– Понимаю. Девочка – это серьёзно... Тут стоит постараться.

– Ага, – глубоко вздохнул мальчик.

Он повернулся к замёрзшему стеклу и ногтем нацарапал по морозному узору букву «Н». Неожиданно он тронул деда за плечо спросил:

– А у ящерицы могут вырасти две лишние головы?

– Только в сказках, – Фёдор завел машину. – Но если сейчас мы не поторопимся, то опоздаем на спектакль к Марусе. Она нам головы оторвет, и будет у нас на две головы меньше.

В поисках Дома детского творчества

Василиса медленно шла по вечерней улице, разглядывая удивительный, пугающий и одновременно прекрасный город. Никогда ещё она не видела ни подобной архитектуры, ни такого количества зданий, ни столько света в вечернее время.

Метла была вставлена за боковой ремешок рюкзака, поэтому не мешалась в руках. Кота пришлось посадить за пазуху, так как тот был слишком напуган улицей и всем, что на ней творилось.

– Послушай ме-няю, – сказал внезапно Найдён, высовывая морду из тулупа. – Я полагаю, что мы с тобой попали... в сказку!

– Знать бы только, в каком бреду и какой сказочник придумал этот мир, – сказала Василиса, шарахнувшись в очередной раз от проезжающей мимо машины. – Скажи, Найдён, что мне тут делать?

– Как что? В любой непонятной ситуации спасай своего кота!

Баба невесело усмехнулась. Её бы саму кто спас.

Они поднялись на мост, с которого открывалась панорама на ночную Москву.

Невольно Василиса залюбовалась на искрящиеся, переливающиеся, движущиеся по дороге огни. Она понимала, что здесь всё для неё чужое и непонятное, но было настолько красиво, что тревога уступила место почти детскому восторгу.

– Ишь, понастроили дворцов, Найдён. В ихней Москве, видать, одни цари живут и бояре. Вон как богато всё, – произнесла она, заворожённо глядя на поток машин. – Это же сколько камня они на хоромы свои извели... Опять же непонятно, где же они скотину держат свою и хозяйство? Тут, куда не глянь, дома да дома, а где поля да огороды, не ясно.

Мимо неё, оживленно хихикая, прошли две молоденькие девушки в брюках.

– Ты погляди, мурлыка... Девки-то, как мужики, в порты одеты!

– Кош-мяур! – согласился кот.

Баба пересекла мост, прошла мимо остановки, на которой люди заходили в освещенный автобус. Видно было, что внутри образовалась давка. Как только автобус отъехал, Василиса сокрушенно покачала головой:

– Смотрю я, не все тут во хороминах каменных живут. Кто победнее, живёт в этих самоходных избушках на колёсиках. Гляди, сколько в них народу набилось! Видать, это горемычная московская беднота.

– Ты по сторонам-то по-мяунь-ше глазей. Не заблудились ли мы? – вякнул кот.

Баба остановилась, пытаясь разобраться в схеме.

– Что-то я запуталась, Найдён. Терема эти считать сбилась.

– А тебе что было сказано? Спроси дорогу.

Василиса огляделась.

– Эй, люди-и-и добрые! – запричитала она.

Прохожие шарахнулись от подозрительной бабки.

Из-за угла вышла экскурсионная группа не то китайских, не то корейских туристов.

– Басурмане! Как есть басурмане! – охнула Василиса. – Не орда ли то татарская?

– Кош-мяур! Беги! – подал голос кот.

– Да нет. На орду вроде не похожи, да и без оружия... Улыбаются. А-а-а, купцы, наверное... Мне, поди, как чужестранке, тоже помогут, – с этими словами она подбежала к туристам и отвесила низкий, русский поклон: – Эй, басурмане залетные, купцы иноземные, поклон вам со всем уважением. Не подскажите ли доброй путнице...

Для туристической группы бабка в длинной юбке, тулупе, вышитом платке показалась какой-то местной экзотикой вроде тех ряженых, которые ходили и предлагали гостям столицы с собой сфотографироваться. Иностранцы, улыбаясь, окружили бабу, стали что-то по своему лопотать и делать с ней селфи. Василиса не поняла ни их слов, ни действий.

Туристы сунули ей в руки деньги, помахали руками на прощание и отправились дальше. Баба с удивлением рас-

смаatrивала цветные бумажки с картинками, которые оказались в её ладонях. Зачем ей их дали, она так и не поняла, поэтому просто их выкинула.

Она попыталась привлечь внимание ещё нескольких прохожих, но без результата. Пару человек прошли мимо, даже не остановившись, ещё несколько понятия не имели, где находится Дом детского творчества.

– Простите, мы не местные, – говорили они ей.

– Да что же это за Москва непутёвая такая! Народу больше, чем я за всю свою жизнь видела. А кого ни спроси, все приезжие! – пригорюнилась Василиса.

Она встала под фонарём, и снова стала вертеть схему. Сколько домов она уже прошла? Может, вернуться обратно, и посчитать всё заново? С ней рядом остановился паренёк, завязывая шнурок на ботинке.

– Ой ты, гой еси, отрок молодой!

Парень распрямылся, и, не обращая внимания, двинулся прочь.

– Глухой, что ли? – рассердившись, Василиса преградила ему дорогу и замахала руками, привлекая внимание.

Молодой человек остановился, вынул из уха наушник:

– Чё?

Баба поклонилась ему в пояс и запричитала:

– Подскажи мне, сиротинушке горемычной, заплутавшей в Москве этой каменной, где тут хоромины, что величают Домом детского творчества?

Парень усиленно соображал, что нужно от него городской сумасшедшей.

– Чё? – ещё раз спросил он.

– Там этот... как его... сиктакль... – попыталась вспомнить Василиса мудренное слово.

– Спектакль? А-а-а. Вам ДДТ надо? Это недалеко. Прямо и налево на перекрестке. Там чуть-чуть пройдёте и увидите... Или спросите.

Василиса хотела его поблагодарить, но парень, воткнув в ухо наушник, уже отправился дальше.

Она прошла в указанном направлении, а у перекрестка ещё раз остановилась. Рядом оказались недовольная мамаша и малыш.

– Мне... Дом детского творчества надо, – обратилась к мамаше Василиса.

– Мы туда же идём, – буркнула та и прикрикнула на ребёнка: – Что ты копаешься? Мы опаздываем!

Василиса, не выпуская их из виду, пристроилась сзади.

Уже в фойе здания ДДТ она остановилась, не зная куда идти дальше.

Старушка-вахтерша, не отрываясь от вязания, подозрительно взглянула на растрёпанную бабу. Сначала ей показалось, что зашла чумазая женщина-бомж. Но у незнакомки был запахнут тулуп, и заметно было обильно вышитую крестиком сорочку. Платок тоже был вышит вручную русским орнаментом. Еще и метла из рюкзака торчала. Для бомжа та-

кой внешний вид был странен.

– Женщина, вы куда? – спросила Василису вахтерша.

Баба обернулась. Старушка с вязанием показала заслуживающей доверия, поэтому Василиса решила признаться, как на духу:

– Мне к Кощею... Мне с ним... сразиться надо.

– А-а-а, так вы артистка? – догадалась вахтерша. – То-то я смотрю, в костюме. Баба Яга?

– Откуда вы знаете? – до глубины души удивилась Василиса.

Было странно, что в незнакомой Москве кто-то слышал её прозвище.

– Так по вам и видно... Значит, так... по той лестнице на второй этаж и налево, – торопливо сказала вахтерша. – Там вход за кулисы. Торопитесь, всё вот-вот начнется!

Перед спектаклем

На сцене царило волнение, то самое, которое бывает перед премьерой. Занавес был ещё закрыт, но со стороны зрительного зала уже слышался гул присутствующих зрителей. Юные артисты театральной студии беспокойно сновали между декораций Кощеева царства, проверяя наличие реквизита на местах.

У края занавеса стояла Маруся в расшитой блестками голубой шубке. На её голове был красивый, усыпанный крупными снежинками кокошник. Чуть-чуть приоткрыв щелочку между кулисой и стеной, девочка пыталась разглядеть среди зрителей деда и брата.

Сзади к ней тихо подошел Сеня и гукнул почти в ухо:

– У-у-у!

Маруся вздрогнула, обернулась.

– Дурак ты!

– Твои пришли уже? – спросил мальчик, показывая ей пальцем, чтобы она подвинулась и уступила место у занавеса ему.

– Пока не вижу. Но они должны быть...

Подросток прильнул глазом к дырочке, разглядывая зал.

Народу было уже прилично – почти все места заняты.

– О! Мои родоки на месте! – он довольно отпрянул от щели. – Твоих не видел.

– Сень, я так волнуюсь... Слова опять перепутаю, – призналась девочка.

– Не дрейфь, подскажу.

За кулисами показался художественный руководитель театральной студии – Антон Михалыч, молодой парень, выпускник театрального института. Худрук сделал знак руками, подзывая к себе. Студийцы быстро окружили его со всех сторон.

– Ну что, ребята. Готовы? Давайте «жахнем»! На удачу!

Он вытянул вперед ладонь, и ребята, один за другим, стали класть свои ладони на неё сверху, пока из детских рук не образовалось целое «солнышко». Это была старая театральная примета, с которой они начинали любой спектакль.

– Только тихо! – весёлым тоном заговорщика прошептал Антон Михалыч. – Вместе! Раз! Два! Три!

– Жахнем! – радостным шёпотом выдохнули ребята, одновременно качнув и расцепив руки.

– По местам! Начинаем! – с радостным возбуждением сказал руководитель.

Студийцы бросились врассыпную – каждый на своё место. Взгляд Антона Михалыча упал на Марусю.

– Так, Снегурочка... Почему не связана?

– Всё в порядке, – сказал Сеня. – Верёвка у меня. Маруська, давай руки, петлю накину. Ты же моя пленница. Ха-ха-ха!

– Идиот! Я волнуюсь, – сказала девочка, протягивая ему сцепленные ладони.

Мальчик накинул на них веревку.

– Сеня... где плащ? – строго спросил руководитель студии.

– Сейчас, надену...

Мальчик добежал до стула, схватил длинный, чёрный плащ.

Антон Михалыч положил руку девочке на плечо и сказал серьёзно:

– Если что, импровизируй. Никто из зрителей твоего текста в точности не знает. Давай, не трусь, Снегурка, не то растаешь от страха.

Вернулся Сеня.

– Готовы?

Дети кивнули.

Худрук внимательно осмотрел сцену. Все ли на местах? Он прошёл к пульту и тихо сказал в микрофон звукооператору, что можно начинать.

Зазвучала музыка. В зале раздались первые аплодисменты.

– Поехали! – выдохнул Алексей Михалыч и нажал кнопку автоматического открытия занавеса.

Тот качнулся, и плавно поехал в стороны. Зрители захлопали еще громче.

Музыка грянула со всей мощью, и в этот момент Кощей Бессмертный потащил на веревке упирающуюся Снегурочку в сторону декораций своего дворца. Спектакль начался.

Представление

Василиса поднялась по лестнице и нерешительно остановилась у двери, из-за которой слышалась музыка и какие-то неясные голоса.

Вопреки самым страшным ожиданиям бабы, на лестнице им никто не встретился. Ни стражников не было, ни охранников. Но всё равно она ощущала противный, липкий и волнительный холодок в груди. Она не знала, что такое «вход за кулисы», но это слово не внушало ей никакого оптимизма.

Прежде чем открыть двери, она сняла со спины рюкзак, достала Метлу.

– Найдён, в торбу полезай...

– Не полезу.

– Я боюсь потерять тебя в этом... Кошечьем царстве.

Вдруг удирать придётся.

Кот, который робел не меньше, чем она, неохотно полез в рюкзачок.

– Боюсь я, – призналась баба, так и не решаясь потянуть за ручку двери. – Шутка ли... с самим Кошечем встретиться придётся. Тридцать восемь лет ждала, чтобы поквитаться за жизнь мою загубленную... А теперь... ноги как соломой набиты... подкашиваются. Что я ему скажу? У него там и рать несметная... войско страшное, вооружённое. А у меня что? Одна Метла. Сейчас как встретят меня лютые вороги...

Неожиданно двери распахнулись. Оттуда выбежали несколько девочек в белых костюмах зайцев. Они с хихиканием умчались по ступенькам вниз. Василиса охнула, глядя на их шапочки с симпатичными ушками. Ушки смотрелись очень натуралистично.

– Это и есть войско Кощеево? – вынул морду из рюкзака кот.

Василиса зажала рот рукой. Что же этот супостат с детьми сделал?

– Ты видел их уши?! – в ужасе прошептала она. – Девки-то заколдованы!

Она не знала, как идти против Кощея.

– Не причитай ты раньше времени, – мудро мурлыкнул кот – Слушай ме-няю. Метла у нас хорошая, боевая...

Метла, услышав комплимент в свой адрес, распушила ветки и крутанулась на радостях в руках Василисы.

– Давай так сделаем, – продолжал Найдён. – Нам что велено было? Царевну спасти, сразиться с Кощеем и одолеть Горыныча?

– Так и есть, – закивала баба. – Да как его убьешь, коль бессмертный он!

– Пару раз по хребтине ему дай Метлой и... дёру. Нам же не убивать его, а сразиться... Понимаешь ме-няю?

Василиса задумалась:

– Пару раз по хребтине? Это я могу... с радостью...

– И дёр-ру... пока нам не досталось! – серьёзно сказал кот.

– Метла, слышишь? – васильковые глаза Василисы остановились на молчаливой спутнице. – Ты, главное, без команды не начинай. А то выйдет, как с царевичем... Если бы ты в драку первая не полезла, может быть он не спалил бы нашу избушку.

Метла оскорбленно пихнула Василису. Вообще-то в той ситуации она просто заступилась за хозяйку, в чей дом, выбив двери, ввалился Прохор.

– Эх... Была не была! – баба надела рюкзак с котом на спину, взялась за ручку двери, тихо потянула её на себя.

Они вошли в сумрачную зону за театральным задником. Свет в зале был потушен, и в данный момент прожектор освещал только тёмную башню декорации. За кулисами было совсем темно. Горела только табличка над дверью с надписью «Аварийный выход».

Баба сделала несколько шагов на свет прожектора и уперлась в какую-то ткань, свисающую с потолка. Василиса, которая с трудом привыкала ко всем диковинам чужого мира, откинула полотнище и увидела среди ёлок какое-то невысокое, освещенное направленным лучом света строение. У башни было окошко с решёткой, за которым сидела грустная, совсем юная девица в сверкающем кокошнике.

– Царевна! – выдохнула поражённая баба. Она, конечно, подозревала, что ей придется спасти царскую дочку, но не ожидала, что все случится так скоро.

Василиса, оставаясь в темноте кулис, осмотрела темни-

цу. Здание было не очень высокое и не казалось совсем уж неприступным.

Сеня стоял к ней спиной, и его подсвеченный прожектором силуэт четко выделялся на фоне башни. Из-за длинного плаща было не понять его подросткового телосложения.

Зрительного зала совсем не было видно в темноте.

– Вороны мои верные! – мальчик старался сделать голос как можно более грубым. – Летите по земле и сообщите всем, что Нового года не будет. Я, Кощей Бессмертный, испорчу всем детям праздник. Ха-ха-ха!

Василиса почти задохнулась от возмущения. Вот же гад!

– Видел, Найдён! Праздник он испортит! Кощею по хребтине, как договорились. Но сразу не уходим, надо ещё царевну спасти. Метла, запомни, вступаешь по моей команде!

Метла согнула прутья знак согласия.

Подхватив волшебный предмет наперевес, баба, прячась за ёлками, двинулась к Кощею, намереваясь обрушить на него весь свой накопленный за тридцать восемь лет гнев.

Антон Михалыч, заметив постороннюю на сцене, пришел в ужас. Кто она такая? Что делает?

– Эй, вы куда?! – громко зашептал он.

Этот голос услышал Сеня и обернулся. Прямо за своей спиной он увидел совершенно незнакомую, растрёпанную бабушку с занесенной над головой уличной метёлкой. Сеня пораженно застыл, не понимая, как реагировать на постороннего человека на сцене. Замерла и Василиса, увидев перед

собой вместо Кощея тощего высокого паренька с размалеванным лицом.

Непроизвольно в ужасе оба отскочили друг от друга.

В зале захихикали.

Привлеченная шумом со стороны, Василиса повернула голову в сторону зрительного зала. Её ослепил прожектор, который бил прямо в глаза. Она так и не разглядела, что скрывается во тьме.

– Вы... кто? – наконец выдавил из себя Сеня, стараясь не совсем выпасть из роли страшного персонажа.

– А ты... кто? – спросила его баба.

Мальчик испуганно перевел глаза за кулисы. Там Антон Михалыч делал отчаянные знаки, чтобы Сеня продолжал. Тот попытался собраться с мыслями и спасти ситуацию:

– Я – Кощей Бессмертный! – громко и пафосно произнес он.

Василиса смотрела на паренька и никак не могла понять, что происходит. Не мог этот юный отрок быть её врагом.

– Ты – Кощей? – насмешливо поинтересовалась она. – А чего такой... плюгавенький?

– Кто... плюгавенький? – возмутился мальчик.

Он не знал, что делать. Всё шло не по сценарию!

– Ты – плюгавенький. Тьфу. Ежели я тебя сейчас Метлой тресну, ты же переломишься. Вот как былиночка и переломишься! – сообщила ему ненормальная бабка.

Сеня смотрел на неё. Судя по костюму, она была артист-

кой, но какой-то взрослой, не имеющего отношения к их спектаклю. Может, она перепутала чего?

– Да кто вы? – почти заорал мальчик: – Баба Яга?!

– А то ты не видишь! – Василиса опустила Метлу и задумчиво облокотилась о неё.

Сеня чуть не взвыл. Уходить со сцены эта ненормальная никуда не собиралась!

– Э-эй... Не надо мне угрожать! – громко сказал он и шёпотом, сквозь зубы, добавил: – Идите отсюда, бабушка. Вас нет в сценарии.

Василиса сама не понимала, что ей делать. Может, это Кощей злые шутки над ней шутит? Для неё в этом чужом, совсем непонятном мире всё было странно.

– Это в каком сценарии меня нет? – огрызнулась она. – Я – есть. Сейчас царевну только заберу и мы пойдём.

Зал хихикал.

– А там кто смеётся? – баба ещё раз пригляделась через свет прожектора и только сейчас заметила, что они стоят на возвышении вроде помоста, а где-то внизу полно народу. В основном это были ребяташки, но и взрослые имелись.

– Это что, подданные твои? – спросила она Сеню, указывая Метлой в темноту.

– Да, это мои подданные! – мальчик уже не знал, что отвечать этой сумасшедшей и как её выпроводить.

Василиса подошла к краю сцены и громко сказала:

– Люди добрые! Этот плюгавый Кощей – не настоящий. Я

знаю настоящего. Этот— самозванец...

Зал грянул хохотом.

– Так... Царевну я у тебя заберу, – Василиса отвернулась от мальчика и направилась прямо к тёмной башне, в которой томилась девица.

Сеня попытался преградить ненормальной бабке дорогу. Но та замахнулась Метлой, и он отступил.

Маруся, которая сидела внутри декорации, в ужасе наблюдала эту сцену. Откуда взялась эта женщина? Почему её никто не уберет?

За кулисами метался художественный руководитель театральной студии, пытаясь найти какой-нибудь подходящий костюм, чтобы выйти на сцену и вытолкать оттуда непрошенную гостью.

Василиса тем временем уже подошла к декорации и взялась руками за прутья окошка, проверяя их на прочность. Декорация, не рассчитанная на это, затряслась.

Девочка в ужасе схватилась за решетку с другой стороны, пытаясь удержать башню от падения.

– Что вы делаете? – отчаянно зашептала Маруся, пытаясь спасти свою темницу.

Антон Михалыч в красном плаще Кота в сапогах, в богатырском шлеме, размахивая бутафорским мечом, выскочил на сцену.

– Я – Илья Муромец – русский богатырь! – провозгласил он. – Я спасу Новый год!

Зал покатился со смеху.

Заметив бегущего к ней с мечом человека, Василиса кивнула Метле. Та ловко, одним движением выбила оружие из рук Антона Михалыча. Так как оно было не настоящее, лёгкое, то по кривой дуге ушло вверх и застряло на верхушке самой высокой искусственной ели из тех, что стояли вокруг башни.

Худрук высоко подпрыгнул, чтобы достать бесславно потерянный меч, но не смог дотянуться.

– Тоже мне, богатырь, – проворчала Василиса. – Ты оружие в руках держал раньше?

Антон Михалыч, спасая спектакль, грозно произнёс:

– Как главный защитник Нового года, я приказываю тебе немедленно покинуть наш праздник... – он придвинулся к бабке и зашептал: – Убирайтесь немедленно, я сейчас полицию вызову!

Худрук еще раз попытался достать меч, но тот хорошо застрял в ветвях.

Махнув на малохольного московского богатыря рукой, баба снова резко потянула за решетку:

– Держись, царевна, я тебя спасу!

– Не трогайте мою темницу! – закричала Маруся, понимая, что фанерная башня вот-вот рухнет. – Не надо меня спасать!

– Как не надо?! – Василиса от Волшебного Зеркала точно знала, что надо. – Царевна! Я сейчас... А-а-а!

В этот момент рама окошка оторвалась, а лёгкая фанерная декорация стала падать прямо на ёлку. Та пошатнулась, зацепила соседнюю. И уже целый ряд искусственных ёлочек повалился на Антона Михалыча. Василису и Сеню.

Зрители охнули.

С перепугу кто-то включил общий свет...

Встреча

Фёдор с внуком зашли в зал в тот самый момент, когда падали деревья и башня. Конечно, всё было искусственным, не тяжелым, но дед напряжённо замер, раздумывая, не броситься ли спасать внучку.

Маруся, в съехавшим на подбородок кокошнике, первой выползла из-под рухнувших декораций. Следом из под ёлок, один за другим, стали выбираться Василиса, Антон Михайлыч, Сеня и кот.

– Все целы? – спросил худрук, осматривая детей.

Он уже понимал, что премьеры сорвана, спектакль не спасти.

Маруся подскочила к Василисе и выпалила со всей накопившейся ненавистью:

– Не надо меня спасать. Понятно? Я – не царевна.

– А кто? – недоумённо спросила баба.

До неё внезапно дошло, что дело неладно. Все вокруг было какое-то ненастоящее. Темница не настоящая, ёлки – тоже... Да и Кощей оказался не Кощеем. Когда в зале включили свет, баба окончательно поняла, что перед ней ряженный – мальчишка.

Василисе никогда не доводилось бывать в театре, она не понимала сути происходящего на сцене, но ей было неуютно от того, что большое количество народа в зале смотрит на

неё и смеётся.

Маруся подняла кокошник с подбородка на макушку и четко, хорошо поставленным сценическим голосом произнесла:

– Я – не царевна. Я – Снегурочка! Для особо тупых по слогам: Сне-гу-роч-ка! А тебе, баба Яга, место в психбольнице!

Зал снова грянул хохотом.

Василиса чувствовала себя совсем потеряно.

– Как... Снегурочка?

Антон Михалыч процедил сквозь зубы:

– Всё, посмеялись и хватит...

Он обвёл взглядом зал и кулисы, откуда на него смотрели ребята его театральной студии. Сейчас ему надо было принять решение. Худрук сделал несколько шагов на авансцену и громогласно изрёк, обращаясь к зрителям:

– А теперь давайте объединим свои усилия и выгоним Бабу Ягу с нашего праздника. Никому она тут не нужна!

Василиса затравленно оглянулась. Это же надо было так оплошать при всём честном народе! Все над ней, глупой бабой, смеются.

– Ребята! – голосом Деда Мороза на утреннике вещал Антон Михалыч. – Давайте крикнем дружно: раз, два, три, Баба Яга уходи! Запомнили?

– Да! – закричали ребяташки в зале.

– Три-четыре!

Дети дружно подхватили:

– Раз, два, три, Баба Яга уходи!

Василиса совсем растерялась. Она готова была от стыда сквозь землю провалиться. Куда идти? Ради чего и зачем? Пока она искала Дом детского творчества, у неё была какая-то цель. А что теперь?

Художественный руководитель вместе с детьми скандировал на весь зал:

– Раз! Два! Три! Баба Яга, уходи!

– Кош-мяур! – кот ткнулся ей в ногу.

Она подхватила Найдёна за шкурку и сунула в рюкзак. Крепко прижимая Метлу к груди, чтобы та не вырвалась и ни на кого не напала, баба спустилась по боковым лесенкам со сцены в зал и направилась к открытой двери выхода. Со всех сторон смеялись и показывали на неё пальцами мальчишки и девчонки.

Баба прошла мимо той самой недовольной мамыши, с которой они вместе пришли в Дом детского творчества. До неё донеслась сердитая реплика:

– Никакой фантазии у этих сценаристов. Опять пришла Баба Яга на утренник и испортила всем праздник. Каждый год одно и тоже!

Щёки и уши Василисы полыхали от жгучего, едкого стыда.

Поравнявшись с предпоследним рядом, она прошла мимо маленького рыжего мальчика, который показал ей язык

и громко завопил:

– Бабка Ёжка, костяная ножка, подавись картошкой!

– Витёк, веди себя нормально! – строго сказал ему дед.

Василиса, которая уже почти прошла мимо, неожиданно вздрогнула и резко, порывисто обернулась. Её глаза остановились на Фёдоре и от внезапного удивления распахнулись, вспыхнув всей своей васильковой синью.

Зал шумел, улюлюкал, скандировал, а для неё в один миг исчезли все звуки. Да и людей как будто бы не осталось. Был только этот мужик, один единственный на всём белом свете.

– Ваня? – выдохнула она, словно бы не веря самой себе. – Ванюша!

Василиса не могла не узнать его, не смотря на годы разлуки. Сейчас она не видела ни морщин на его лице, ни седины в волосах, ни того, что одет он был странно. Она видела его таким, каким он был в день их последней встречи.

Фёдор недоуменно оглянулся, словно бы за его спиной должен был находиться кто-то ещё. Он так и не понял, к кому обращается эта женщина в костюме Бабы Яги. А та, с полными слёз глазами смотрела на него и шептала:

– Ванечка! Иванушка мой!

Зал притих. Зрители поняли, что представление продолжается.

– Простите. Вы это... мне? – спросил Фёдор.

– Ванюша! Ты... не узнаешь меня?

Василиса сама не могла понять, что происходит. У неё все

слова вылетели из головы. Слезы текли и текли из глаз, но она их не замечала.

– А почему артисты на заднем ряду выступают? Шею свернуть можно! – громко возмутилась недовольная мамаша.

Фёдор растерялся. На них все смотрели, и он не знал, как себя вести. Это что, часть новогоднего спектакля? На всякий случай он отрицательно мотнул головой.

– Это же я, Ваня! – улыбаясь, говорила ему Василиса. – Это я – суженая твоя.

Зрительный зал взорвался от хохота.

Фёдор покраснел. Он никак не мог понять, что ему делать. Самого начала представления ему увидеть не довелось, а Маруся не предупредила ни о чём.

– Ванюша, уже не чаяла тебя в живых встретить, – баба, наконец, смахнула слезы. – Ваня, ты что? Как не родной глядишь. Не уж не помнишь меня?

Зал притих, прислушиваясь.

Фёдор отрицательно качнул головой.

– А я тебя... тридцать восемь лет ждала, – призналась Василиса.

Мужчина взглянул на сцену, словно бы ища поддержки у внучки. Та махала руками, показывая, что бабку надо выгнать из зала. Фёдор, набрав в грудь побольше воздуха, голосом народного артиста объявил:

– Я тебя не знаю, Баба Яга! Никогда не встречал! Ты меня не обманешь. Пошла вон с детского праздника!

Недоумение отразилось на лице Василисы. Да что же это такое?!

– Ваня, вспомни! Вспомни меня!

Антон Михалыч со сцены закричал:

– Пошла вон, Баба Яга! Пошла вон! Ребята, давайте дружно, все вместе! Пошла вон!

Зрители подхватили:

– Пошла вон! Пошла вон!

Воодушевленный Фёдор закричал вместе со всеми:

– Пошла вон!

Он стал подталкивать к выходу растерявшуюся бабу. Та медленно отступала, пока не оказалась в коридоре.

– Ваню...

Договорить она не успела, так как долгожданный, давно оплаканный жених Иванушка захлопнул перед её носом двери.

Из зала раздались аплодисменты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.